

В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА

Автобиографическая повесть

Дмитрий ГАВРИЛОВ

Доктор исторических наук,
профессор.
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
В 1951 окончил исторический
факультет Свердловского
государственного
педагогического института.
Преподавал в пединститутах
Шадринска, Липецка,
Ульяновска.
С 1981 г. – работает
в УНЦ АН СССР.
Главный научный сотрудник
Института истории
и археологии УрО РАН.
Лауреат премии
им. В.Н.Татищева
и В.И.Геннина,
премии УрО РАН
им. П.И.Рычкова.
г. Екатеринбург.

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей подлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке поменять.*

А. С. Кушнер.
Времена не выбирают.

*Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

А. Блок.
Рожденные в года глухие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*...Воспоминание – самая сильная
способность души нашей...*

А.С.Пушкин.
Письмо А.А.Дельвигу,
1824–1825 г.

*...Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела...*

А.Блок.
Весенний день прошел без дела.

В последние два с половиной десятилетия, с переменой в стране общественно-политического строя, провозглашением приоритета «общечеловеческих ценностей», первенства личных интересов над общественными, в средствах массовой информации, литературе, искусстве развернулось насаждение психологии индивидуализма. В общественном сознании произошел сдвиг в пользу выделения своей личности, противопоставления интересов отдельной личности интересам общества, резко возрос интерес к родословным, к генеалогии, к сочинению своих жизнеописаний.

Тысячи российских граждан начали расспрашивать и записывать рассказы родителей, дедов и бабушек об их происхождении и прошлой жизни, бросились в библиотеки и архивы в поисках сведений о своих предках. Немало любителей старины и дилетантов, ссылаясь на туманные рассказы род-

ственников или найденные в архивах упоминания своих фамилий, относящиеся неизвестно к кому, стали называть себя дворянами, графами, баронами, князьями, пытаясь повысить этим свой общественный статус. Появились почти легально действующие общества, продающие «дипломы» дворян, графов, баронов, князей.

Лавинообразно растет число исторических исследований, посвященных повседневности, объектом внимания которых является, как утверждают исследователи, изучение обычных, «простых» людей, «устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее».

Сторонники этого направления считают, что «история повседневности» позволяет выявить скрытые, невидимые пласты коллективного сознания, показать существующие общественные отношения мета- и макроуровня, противопоставляют ее общепринятой, обычной историографии, «свертывающей широкую историческую панораму в узкий диапазон ведущих тенденций», занятой созданием «псевдонормативных образцов и типов», страдающей «ограниченностью и тенденциозностью», «дис-

балансами», «частой сменой своих идеологем».

Среди историков происходит переосмысление методологического инструментария, ведется поиск новых парадигм гуманитарного мышления. В последние годы информационные ресурсы исторической науки заметно возросли за счет увеличившегося потока источников личного происхождения, которые прежде недооценивались, считались второстепенными, мало пригодными для использования в исторических трудах. Сейчас отношение к ним изменилось прямо на противоположное. Сторонники истории повседневности не только стали перемещать источники личного происхождения с периферии во главу своих интерпретаций, но и пытаются создать на их основе «новое», «более глубокое» понимание исторических событий.

Это большое преувеличение. Источники личного происхождения, единичные, отражающие личные взгляды, интересы, вкусы, пристрастия их авторов, ввиду своего субъективного характера и односторонности, не могут дать полного, всестороннего, объективного представления о изучаемых событиях и поэтому всегда требуют проверки и уточнения, дополнения сведениями из других источников.

Тем не менее, источники личного происхождения, несомненно, являются ценными источниками, а иногда просто незаменимыми. Нередко они содержат свидетельства очевидцев и участников событий, не отраженные в других источниках. Источники личного происхождения имеют еще одно достоинство – в них, через призму личного восприятия, отражена существующая эпоха. Жизненный путь любого человека, оказавшегося в круговерти бурного XX века, был прочно связан с эпохальными событиями, происходившими в государстве, определялся политическими, экономическими и социокультурными условиями окружающей среды.

В своей повести автор предлагает читателю на примере многодетной семьи простого крестьянина, а затем рабочего совхоза про-

следить исторические процессы, происходившие в стране в описываемое в ней время. Это семья не каких-нибудь знатных людей царской империи, видных административных или культурных деятелей советского времени, а «простых», ничем не выдающихся людей, помимо своей воли попавшая в водоворот, в крутоверть XX века.

Автор надеется, что его повесть будет полезна всем, занимающимся историей 1930–1940-х годов. Например, о коллективизации, ссылке кулаков написаны горы всевозможных работ, художественных произведений и т. д. А вот об «очистке» в 1931 г. местностей от «белогвардейско-кулацких элементов» и ссылке их в Сибирь, которая захватила десятки тысяч людей и свидетелем которой был автор, в нашей литературе имеются лишь беглые упоминания. Возможно, прочитав повесть, кто-нибудь из историков возьмётся исследовать эту массовую акцию.

Ссылка в Сибирь в 1931 г. «неблагонадёжных элементов», признанных «социально опасными», сопровождалась обычными в то время «перегибами». Помимо агрессивно настроенных против Советской власти людей, под «очистку» попали ни в чём неповинные, и власти постепенно начали их восстанавливать в правах, освобождать из ссылки. Однако в нашей литературе об этом не сообщается, историки до сих пор не проявили к этой теме интереса, архивные документы об этой операции ОГПУ НКВД остаются засекреченными.

По официальной статистике, лишь в Западно-Сибирском крае только в 1934–1940 гг. было освобождено из ссылки как «неправильно высланных» 33 тыс. чел. Это не так уж мало. По крайней мере, это 15–20 эшелонов людей, которых, даже не принимая во внимание испытанных ими лишений, за счёт государства напрасно свозили в Сибирь.

Автор, находясь в 1932–1933 гг. в местности, официально считавшейся охваченной голодом, не может подтвердить массового вымирания в эти годы населения от голода. Размеры голода в стране в эти

годы явно завышены и раздуты политиками и политизированными историками.

Историкам будет интересно воспоминания автора об отголосках в сельской глубинке от массовых репрессий – «Большой чистки», «Большого террора» 1937 г.

В основу повести положены воспоминания автора и членов его семьи, некоторых очевидцев. Там, где это оказалось возможным, приведены имевшиеся под рукой автора подлинные документы. Главные события, о которых рассказывает в повести, произошли, когда автору было четыре-пять лет. У читателя могут возникнуть сомнения, могли ли что-нибудь запомнить мальчик такого возраста. Да, мог, и очень многое. Впечатлительный и любознательный мальчик оказался свидетелем и участником чрезвычайных, экстраординарных событий, которые прочно врезались в его память, глубоко запали в его сознание. Оказалось, что и спустя десятилетия он может, как в кинематографе, воспроизвести эти события, почти дословно помнит слышанные диалоги.

Поскольку повесть построена на воспоминаниях членов семьи и очевидцев, принимая во внимание, что человеческая память имеет свойства не только помнить, но и забывать, что действующие в повести лица часто не знали и не могли знать все обстоятельства происшедшего, автор не может претендовать на абсолютную точность всех описываемых событий. Для этого потребовалась бы громадная, многолетняя работа во многих архивах и библиотеках, со слабой надеждой найти в них что-либо существенное.

Там, где помнит автор или помнили члены его семьи, действующие в повести лица названы настоящими, действительными, собственными именами. Там, где автор и его близкие не помнили имен, но по ходу изложения требовалось их участие в диалогах, чтобы не изменить характера диалогов, автор использовал вымышленные имена и фамилии.

Повесть состоит из трёх частей: 1. Ссылка. 2. Возвращение. 3. Война.

ЧАСТЬ 1. ССЫЛКА

ГЛАВА 1. СПЕЦЭТАПОМ ИДЕТ ЭШЕЛОН

*За вагоном проходит вагон
С мерным стуком по рельсовой стали.
Спецэтапом идет эшелон
В неизвестные, таежные дали.
Здесь на каждом вагоне замок,
Три доски вместо мягкой постели.*

*Пролетая леса и болота,
На площадках вагонов конвой
Ощетинил свои пулеметы.*

Песня
«непутевых сыновей» России.

Поезд, не останавливаясь, шел всю ночь. За окном мелькали силуэты деревьев, домов и каких-то зданий, внезапно вспыхивали огни станций и полустанков, ярко высветив станционные постройки, которые тут же исчезали, и поезд, дав протяжный гудок, снова устремлялся во тьму, навстречу новым таким же станциям и полустанкам. Дима лежал на верхних нарах у небольшого зарешеченного окошка. Он проснулся и с восхищением всматривался во тьму и мимо проносившиеся деревни, поселки и станции. В вагоне все спали, кто-то храпел, кто-то время от времени что-то вскрикивал. Рядом с ним спал отец. На нижних нарах спали бабушка, мать с малолетней диминой сестренкой Еленой, старшая сестра Мария, братья Алексей и Павел.

Внезапно поезд сбавил ход и остановился. Лязгнули буфера, за окном послышались голоса. Дима подвинулся ближе к окошечку — вдали в тумане вырисовывались силуэты высоких домов и различных построек, перед вагоном были видны многочисленные рельсовые пути. Поезд остановился на большой станции с многочисленными железнодорожными путями, пристанционными зданиями.

Вдоль поезда шел мужчина в замасленной одежде, в руках его был молоток с длинной ручкой. Он останавливался перед каждым вагоном, стучал молотком по колесам и конструкциям под вагонами и шел дальше. Из соседнего вагона раздался хриплый сонный голос:

— Какая станция?

— Свердловско, — ответил рабочий и пошел дальше, постукивая

Родители: Гавриловы, отец — Василий Васильевич, мать — Александра Степановна. Бабушка — Кузикова (Лужкова) Прасковья Лазаревна.

молотком с длинной ручкой. Так Дима впервые услышал, правда, в слегка исковерканном виде, название города, в котором впоследствии он проведет значительную часть своей жизни.

В вагоне стали просыпаться люди. Проснулся спавший рядом с Димой отец, он тоже примкнул к окошечку.

— Тятя, что он делает? — спросил Дима, показывая на уходящего мужчину с молотком.

— Проверяет буксы, вон они под вагонами. Смотрит, чтобы они не перегорели в пути. Значит, нас повезут дальше. И не близко.

Из зарешеченного окошечка было видно, как паровоз с тендером отцепился от поезда, подошел к высокой колонке и большим широким шлангом стал наливать воду. Дима завороченно смотрел на льющуюся мощную струю.

— Тятя, а зачем паровозу вода?

— Как зачем? Он же везет нас паром. Потому и называется паровозом. Видел, когда кипит чайник, из него с силой вырывается пар? На паровозе есть большой котел и топка, в которой сжигается каменный уголь, вода в котле закипает, пар вырывается из котла и двигает паровоз.

— Ух, ты! — удивился Дима. — Как здорово. А я думал, что желез-

ная дорога — это расстеленные на земле гладкие листы железа и по ним ездят на телегах, в которые запряжены лошади.

Между тем паровоз снова прицепился к составу. Дав долгий протяжный гудок, он двинулся вперед. Снова залязгали буфера, застучали колеса вагона, за окошечком замелькали дома и постройки. Поезд сначала медленно, а затем, набирая скорость, всё быстрее и быстрее мчался в неизвестное. Скоро дома и постройки остались позади, за окошечком замелькали кусты и лес — сосны, березы, временами мелькали какие-то небольшие постройки, а потом опять лес, лес и лес. На изгибах дороги были видны паровоз, из трубы которого валил дым, и первые вагоны. Отец разъяснял Диме:

— Вот смотри, к паровозу прицеплен тендер, на нем везут воду, уголь для топки. Поезд идет по рельсам, они положены на шпалы. Путь выравнивали — где сделали выемку, где насыпь. А вот стрелки, их переводят, чтобы составы шли туда, куда надо.

— Тятя, а зачем шпалы? Их так много, столько хороших дров положили в землю!

Для Димы, жившего в безлесной местности, где дрова всегда стояли дорого и их ценили, берегли, каза-

лось безрассудным тратить столько леса на шпалы.

— А как же иначе рельсы будут держать на себе такую тяжесть — целые составы с паровозом, вагонами с грузом, с людьми?

Дима согласился:

— Да, без шпал железной дороги не было бы.

Степан, степенный, серьезный мужик, спавший на этих же нарах, тоже проснулся и сказал отцу:

— Василий Васильевич, зачем ты ему это всё рассказываешь? Он ведь еще маленький.

Отец спокойно, не торопясь, ответил:

— Он же спрашивает! Степан, когда в первый раз ты увидел железную дорогу?

— Когда в германскую войну призвали в армию. Тогда нас посадили в вагоны и повезли. Двадцать один год мне был.

— Вот видишь — двадцать один, а ему только недавно исполнилось четыре, а нас уже на поезде везут. Другое теперь время, молодым теперь надо знать больше, чем нам в свое время.

На крутой извилине железной дороги Дима увидел на площадке одного из вагонов машинку с колесиками, возле которой стоял красноармеец с винтовкой.

— Тятя, это что за машинка?

— Машинка? Это пулемет. Видел: стреляют из ружья, при выстреле вылетает одна пуля, а пулемет за минуту делает много выстрелов, сразу летит куча пуль. Опасное оружие.

— Тятя, а зачем нашему поезду пулемет?

— Не знаю. Может, думают, что мы поднимем мятеж, нападём на конвой, разбежимся. Или боятся нападения бандитов. Правда, сейчас какие бандиты? Все большие банды ликвидировали. Но, может, где-нибудь и остались. Остановят поезд, разграбят, кого везут в вагонах — распустият. Освободят полторы сотни рассерженных мужиков, дадут им в руки оружие — так мало не покажется.

— Тятя, разве можно остановить поезд? Паровоз такой большой, так мчится, только ветер свистит.

— Остановить могут очень просто. Накатают на рельсы бревен, всякого хлама, поезд и остановится. Или поставят поперек рельсов

автомашину или несколько их и поезд тоже остановится.

— Да ведь поезд сомнет автомашину, расчистит себе дорогу!

— Едва ли. Сделают завал такой, что поезд не пройдет. А автомашин им не жаль, они же ворованные. Угонят у кого-нибудь, поездят, а потом бросят.

— А зачем им нужны наши мужики? А семьи куда денут?

— Мужчин вооружат, уведут в леса, семьи бросят. Как было в гражданскую войну? Сегодня бандиты нападут на железную дорогу в одном месте, за ночь сделают переход в двадцать — тридцать верст и нападут в другом месте. Вот и ищи их, свищи, гоняйся за ними по лесам.

В разговор снова вмешался Степан:

— Василий Васильевич, зачем ты ему это рассказываешь? Он ведь еще совсем маленький. Ты всегда так делаешь?

— Всегда. Он же спрашивает! Когда мои ребятишки меня о чем-то спрашивают, если знаю — всегда отвечаю, рассказываю, а если не знаю — говорю, что этого я не знаю. Теперь молодым надо знать больше, чем нам в наше время.

В вагоне все уже проснулись, сидели по-семейному кучками, завтракали имевшимися запасами. Всех тяготила, давила, угнетала неизвестность, волновал вопрос: куда и зачем их везут? Куда и зачем? Толстая, неопрятно одетая женщина истошно кричала:

— Выгнали из дома! Всё, всё отобрали! Теперь вывезут куда-нибудь и всех нас расстреляют!

Угрюмый мужик, сидевший рядом со Степаном, громко сказал ей:

— Замолчи, дура, и так без тебя тошно. Если надо было тебя расстрелять, расстреляли бы на месте, зачем тебя везти куда-то.

Степан спросил отца:

— Василий Васильевич, как ты думаешь, куда нас везут?

— Думаю, на какую-нибудь стройку или на лесозаготовки, может быть — на шахты. Везде идет большое строительство — пятилетка. Работать заставят.

Степан облегченно вздохнул:

— Работать — это ничего. К работе мы привычны, всю жизнь ра-

ботаем. Лучше бы на стройку или лесозаготовки, под землей работать не хотелось бы, не для нас такая работа.

К отцу он сразу же, как сели в вагон, относился очень уважительно и называл его только по имени-отчеству.

— Василий Васильевич, смотрю на тебя, удивляюсь. Все подавленные, угрюмые, а ты спокойный, дети вокруг тебя так и выются. Я знаю свою вину, а почему тебя выслали? Наверное, был очень богатым?

— Богатства не нажил, — в раздумье сказал отец. — Всё мое богатство — пятеро детишек. Спокоен потому, что снова с семьей. Избежал худшего. Приписывали контрреволюцию, а это десять-пятнадцать лет заключения или вышка. Постарались деревенские управители, следователи, прокурор. Контрреволюционером, противником Советской власти никогда не был, ни в каких контрреволюционных подпольных обществах не участвовал. Доказать обвинения против меня не смогли. Признали «социально опасным» и назначили высылать с семьей в отдаленную местность.

— Следователи били, вышибали признания?

— Не били. Но помотали достаточно. Требовали оказать революционному следствию «содействие в разоблачении врагов советской власти». А какое я окажу им содействие, если этих врагов я не видел и не знал? Говорил им: ваша работа — вы и ищите, разоблачайте.

Степан поведал свою историю:

— А я попал сюда по своей глупости и упрямству. Создали в деревне колхоз. В правлении — беспробудные пьяницы, завзятые лодыри, но все коммунисты. В общем собрались Шоша, да Ероша, да Колупай с братом. Организовать ничего не могут, хозяйство развалилось. Народ побежал в города, два моих взрослых сына тоже ушли, работают на заводах. Хозяйство у меня середняцкое, кулацким никогда не было. Все записались в колхоз, а я — нет. Много раз звали в колхоз, убеждали, агитировали, стращали, а я — ни в какую. Уперся: я не против колхоза, когда у вас наладится работа, тогда и вступлю в колхоз.

— Говорю: остаюсь единоличником, что вы со мною сделаете? Колхоз — дело добровольное, всё делаю по закону. Все в колхозе, а я один — единоличник, как бельмо на глазу. Стали меня прижимать, урезывать во всем, обложили налогами раз, два, налоги всё увеличивают и увеличивают, а я терплю, не сдаюсь. Тут как раз началась кампания по очистке местности от «неблагонадежного элемента», и меня, как «злостного противника колхозного строя», подвели под ссылку.

Поезд остановился на какой-то станции, двери вагона раздвинулись. Перед вагоном стояли пожилой мужчина в военной форме и два молодых красноармейца, с ними была небольшая тележка, на которой лежали коробки и мешки. В руках пожилого мужчины были толстая тетрадь и бумаги.

— Я помощник начальника поезда, — объявил пожилой мужчина. — Будем выдавать сухой паек.

Он смотрел в тетрадь и по фамилиям стал называть едущих в вагоне:

— Ивановы. Двое взрослых, три иждивенца. Получите свой паек.

Молодые красноармейцы брали кульки и мешочки и отдавали их в протянутые руки.

— Петровы. Двое взрослых, один иждивенец, получите паек.

Так шла раздача пайков, пока не дошла очередь до толстой, неопрятной, крикливой женщины. Когда помощник начальника поезда назвал ее фамилию, она стала кричать:

— Не надо мне вашей еды! Куда вы нас везете? Есть не буду! Не надо мне вашего пайка! Не надо! Не надо!

В вагоне начался галдеж, атмосфера накалялась. Помощник начальника поезда помрачнел:

— Куда везем — я не знаю. Может быть, знает начальник поезда. А вас, как отказавшуюся от пищи и объявившую голодовку, я вынужден буду снять с поезда и передать станционным властям.

Толстая женщина, не ожидавшая такого поворота дела, сразу перестала кричать и испуганными глазами смотрела по сторонам, ища защиты. Выручил отец. Он подошел к двери и сказал:

— Гражданин начальник, вы не совсем правильно поняли эту женщину. Она не собирается объявлять голодовку. У всех у нас с собой взята из дома пища, она не нуждается в сухом пайке.

Помощник начальника поезда вздохнул с облегчением: был найден почетный для обеих сторон выход из создавшегося положения. Ему явно не хотелось осложнять обстановку, ссаживать крикливую женщину с поезда, писать докладные, разные бумаги. Он пожелал всем приятного аппетита, и двери вагона снова закрылись.

Гнев и злость, накопившиеся у едущих в вагоне, теперь обрушились на толстую женщину, и слово «дура» было самым мягким из высказанных в ее адрес.

Между тем поезд миновал лесные пространства и шел по голой равнине, на которой кое-где стояли небольшие березовые рощи — колки. Степь да степь, населенные пункты и деревни встречались редко. Но вот показалась широкая река, за окошечком замелькали пролеты железнодорожного моста и поезд въехал в большой город, раскинувшийся вдоль реки.

Новая остановка, протяжный гудок, и поезд снова тронулся в путь. Отец, сидевший вместе со всей семьей на нижних нарах, сказал:

— Нас везут в Сибирь.

Сказал тихо, спокойно, но его услышали рядом сидевшие люди и придвинулись ближе к нему, вокруг него образовался небольшой кружок. Люди медленно усваивали эту новость. Из-под нижних нар вылез заспанный молодой здоровый парень, весь помятый, с соломинками в волосах на голове, и зло, нахально расталкивая людей, двинулся к отцу:

— А ты откуда знаешь, куда нас везут?

Отец, не обращая внимания на грозного молодого парня, спокойно объяснил придвинувшимся к нему мужикам:

— А вот откуда. Вы видели, где утром было солнце? Вон в том окошечке, на той стороне. А где оно сейчас? Вон там. Значит, нас везут с запада на восток. Какой сейчас мы проехали город, видели название станции? Омск. Теперь смотрите.

Отец вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, развернул ее и положил на нары. Это была географическая карта СССР, вырванная из какой-то книги. Как и почему она оказалась у него, как он сохранил ее, несмотря на все перипетии последних дней, осталось тогда неизвестным. (Впоследствии Дима узнал, что старший брат Алексей, учившийся в ШКМ — школе колхозной молодежи, перед ссылкой вырвал эту карту из школьного учебника, положил ее в карман, а потом передал отцу).

— Вот смотрите, — показал отец на карте, — город Омск. К нему подходят с запада две красные линии — железные дороги. В Омске они соединяются. А от Омска на восток идет только одна красная линия, одна железная дорога. Нас провезли через Омск и везут далее на восток — в Сибирь!

Эта новость поразила всех едущих в вагоне. Наступила мертвая тишина. Сомнений больше не было — их везут в Сибирь. В страшную Сибирь, страну холода, льда и лесов, край необъятного горя, кандалов и смертей. Крестьян всегда пугали Сибирью. Туда издавна отправляли на каторгу и в ссылку всяческих преступников: воров, конокрадов, разбойников, убийц и т.п. А теперь везут в Сибирь их. Какие преступления они совершили? В чем их вина?

В вагоне стало тихо. Никто не разговаривал, не шумел, люди думали каждый о своем. Дима с гордостью смотрел на отца: он оказался в вагоне самым грамотным, самым знающим! А еще: отцовская географическая карта! Небольшая бумажка развеяла неизвестность, которая тяготила всех. Теперь они знали, куда их везут.

Дима навсегда понял значение географических карт и страстно полюбил их. Став взрослым, где бы он ни был, у него всегда под рукой были географические карты и атласы. Еще до того, как он стал ходить в школу, самостоятельно с бабушкой научившись читать и писать, Дима стал сам рисовать географические карты.

В совхозе, где они тогда жили, в конторе на стене висела большая географическая карта. Сидевший в комнате бухгалтер, инвалид, ходивший

с костылями, за небольшие услуги, оказываемые Димой (разноска почты, извещений и т. п.), дал ему прозрачную бумагу, и он стал переводить на нее настенную карту. Он накладывал на карту лист бумаги, карандашом обводил реки, города, железные дороги, подписывал названия, а затем уносил эти листочки домой и склеивал их в большой лист.

Отец усмехался, глядя на эту затею, но не препятствовал занятиям сына, не видя в них вреда. Когда Дима стал учиться в школе, рисование карт стало его обычным занятием, а география оказалась для него очень легким предметом.

На очередной остановке на перроне вдоль поезда выстроились красноармейцы с винтовками. И, как оказалось, не напрасно. Из ближайшего переулочка высыпала толпа подростков пятнадцати-шестнадцати лет, которые с криком «Куркули! Куркули!» стали забрасывать остановившийся поезд камнями. Но от вокзала к поезду уже бежали три милиционера. Увидев милиционеров, подростки бросились убежать врассыпную.

— Недавно проходили составы с украинцами, — пояснили милиционеры конвоирам эшелона, — теперь эти хулиганы выходят к поездам и бросаются камнями. Нам приходится их отгонять.

Дима спросил отца:

— Кто такие куркули?

— Куркули, — ответил отец, — по-украински — кулаки. Их, видимо, тоже ссылали в Сибирь.

— Тятя, а мы тоже куркули?

— Мы — спецпереселенцы. Кулаки, спецпереселенцы — разница невелика. Собрали всех «неблагонадежных» — и в Сибирь, чтобы не мешали строить новую, счастливую жизнь.

— А мы мешали строить счастливую жизнь?

— Ты не мешал, ты еще маленький. А вот мы с мамой и бабушкой кому-то, видимо, мешали.

На очередной остановке дверь вагона снова раздвинулась, перед ней стоял молодой веселый военный, перепоясанный ремнями, на петлицах его гимнастерки блестело по два «кубаря». Это был начальник поезда.

— Ну что, как едем? Это у вас женщина хотела объявить голо-

довку? — начал спрашивать он. Толстая женщина теперь сидела смиренно и улыбалась:

— Здесь. Да всё уже уладилось.

— Ну и хорошо. Какие есть претензии?

Люди в голос стали жаловаться: душно, вагон нагрелся, дети устали, хнычут и плачут. Когда окончатся страдания?

Начальник поезда стал серьезным:

— Мы же понимаем, что везем женщин, детей. Видите, как нас везут: железнодорожники дали нам зеленую улицу, поезд идет без остановок, задерживаемся только на узловых станциях, чтобы набрать воду и уголь. Спецэтапом идет эшелон. Еще потерпите немного. Вечером прибудем на место назначения.

Слова начальника поезда, его твердые, уверенные ответы успокоили уставших и измученных людей. Скоро будем на месте, наше положение прояснится, закончится неизвестность!

Но поезд продолжал идти вперед, переехали широкую реку Обь, проехали большой город Новосибирск. За окошечком потянулись густые леса, а вот и станция с чисто сибирским названием — Тайга. А поезд шел дальше и дальше. Где же обещанный пункт назначения? Стало темнеть, родители начали укладывать детей спать. Дима крепко заснул рядом с братьями и сестрами на расстеленной матерью и бабушкой постели.

Вернемся на несколько дней назад, чтобы выяснить, как, когда и почему Дима и его семья оказались в эшелоне, везшим их в Сибирь.

ГЛАВА 2. ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

*Горе горькое по свету шлялось
И на нас невзначай набрело.*

Н.А. Некрасов.

*Меж высоких хлебов затерялось
небогатое наше село.*

*Написано пером —
не вырубилшь топором.*

Народная поговорка.

1931-й — нехороший год. Начался он с серьезной болезни детей, а потом последовали другие беды. Весной Дима и его младшая сест-

ренка Елена заболели scarлатиной. У них поднялась высокая температура, их лихорадило, обложило покрасневшие языки, стало трудно глотать, на теле появилась красная мелкоточечная сыпь. Какие-то капли, которыми поила их мать, не действовали, больным становилось всё хуже и хуже, они уже не могли есть, стали задыхаться. Отчаявшаяся мать дала Диме выпить немного красного вина, Елена пить вино никак не хотела, кричала и плакала. Дима, выпив вино, быстро заснул, а проснувшись (чудо!) почувствовал себя полностью выздоровевшим человеком.

Надо было вылечить Елену. Дима стал уговаривать ее:

— Елена, пей вино! Это же лекарство, пей, и ты тоже выздоровеешь.

Удивительно, что полутороговала Елена, не слушавшая уговоры взрослых, упорно отказывавшаяся пить вино, кричала и плакала, сразу согласилась на совет четырехлетнего брата, всегда помогавшего ей во всем и всегда защищавшего ее. Она выпила вино, уснула и тоже выздоровела. Что помогло детям: чудодейственное вино, или к тому времени болезнь уже сама-собой миновала критическую фазу? Это останется неизвестным, медиков рядом не было.

После двух недель болезни Дима и Елена вышли на крыльцо и зажмурились от яркого солнца. Снег уже сошел, было тепло, во дворе зеленела трава. Жизнь так прекрасна и удивительна!

Теперь всё свободное время дети стали проводить во дворе и на улице. У Димы появились друзья из соседних домов, с которыми они за воротами на улице играли в незатейливые игры. Появилась подружка — четырех- или пятилетняя соседская девочка Анка. В заборе, отделявшем родительский дом от соседнего дома, имелась дыра, в которую дети пролезали, чтобы попасть к соседям. Анка была энергичной, скорой на выдумки. Она брала Диму за руку и уводила к себе домой, где у нее был свой уголок. Там были тряпичная кукла, бутылочки и флакончики из-под лекарств, осколок зеркала и дру-

гие, интересные и полезные, вещи. Начиналась игра, Анка была то продавцом в магазине, то учительницей, то фельдшером, Дима должен был исполнять роль покупателя, ученика или больного, над которым можно было выполнять разные процедуры.

Иногда шестилетний брат Павел приводил с собой более взрослых мальчиков, среди которых были три младших брата Ивановых. По прихоти родителей или чудачеству деревенского священника, вся семья Ивановых состояла из Иванов. Главой семьи был угрюмый, неразговорчивый мужик Иван Иванович. Его старшего сына, уже взрослого парня, звали Иваном. За ним шли Ваня, Ванька, Ванчик и Ванюрка. Присоединившись к старшим ребятам, Дима, не спрашивая разрешения, шел вместе с ними играть дальше от дома — на болото, простирившееся за огородами.

Это было огромное, заросшее невысокими кустарниками болото, тянувшееся на несколько километров. Сначала шли сухие кочки, на которых кое-где росли желтые цветочки, дальше появлялись лужи воды, начинались сырые кочки, а где-то еще дальше была трясина, в которой, по слухам, когда-то утонула чья-то бродячая корова. Вечером над болотом поднимался туман, с болота раздавался лай собак и жуткий вой волков. Родители запрещали детям ходить на болото, пугали болотом. Несмотря на запреты, попасть на болото считалось у детей смелым, отважным поступком.

Вскоре произошло событие, взбудоражившее всю деревню. В колхоз пришел колесный трактор «Фордзон», на сидении которого сидел молодой деревенский парень, зимой окончивший курсы трактористов. Тарахтя и выпуская клубы дыма, трактор катил по единственной в деревне улице. За трактором с восторженными криками бежали мальчишки, шли мужчины, любопытные женщины. Подъехав к дому, в котором жил Дима, трактор остановился. Из сопровождавшей трактор толпы вышел отец и стал открывать свои ворота. Ему помогали другие мужики. Трактор въехал в огра-

ду, остановился и заглох. Ворота закрыли, толпа стала расходиться. Возле трактора суетился мужичонка, который наказывал отцу:

— Ты, Василий Васильевич, доглядывай за трактором, смотри ночью, чтобы враги народа не попортили машину.

Отец добродушно отвечал:

— Посмотрю. Ограда у нас хорошая, никто посторонний не ходит.

Тракторист тоже успокоил мужичонку:

— Что сделается трактору? Завтра утром я выеду на нем в поле.

Дима был горд, что именно у них во дворе, у отца, поставили на ночь эту диковинную машину, и на всю жизнь запомнил этот торжественный, теплый, солнечный, счастливый день. Конечно, Дима, а, вероятно, и его отец, тогда не задумывались: почему именно у них поставили в ограду на ночь трактор — случайно, или преднамеренно, для проверки хозяина «на верность колхозному строю»? Это останется неизвестным. На следующий день, только проснувшись, Дима бросился к окну и посмотрел во двор. Трактора там уже не было, молодой тракторист рано утром выехал на нем в поле.

Отец Димы работал в колхозе кладовщиком, мать трудилась в поле на разных работах. Утром они уходили на работу, дети днем ос-

тавались одни с бабушкой. Вечером, вернувшись с работы, отец за ужином с усмешкой рассказывал, как на складе его одолевали просьбами правленцы колхоза. Особенно надоедал секретарь партийной ячейки. Это был трезвый, непьющий мужик, но очень тщеславный. Прийдя на склад, он жаловался, что является представителем руководящей партии, но ходит в плохом полушубке, и просил отца дать ему новый, более красивый полушубок.

— У вас еще хороший полушубок, — отвечал отец. — Я не могу вам выдать новый полушубок, на складе всё на учете, под моей ответственностью. Выпишите в правлении колхоза себе новый полушубок, принесете квитанцию, и я вам выдам что угодно.

Но это почему-то не устраивало представителя руководящей партии. Получив отказ и обозвав отца скрягой, он начинал канючить и кланчил обменять ему полушубок на другой, более хороший. В конце-концов, из уважения к его авторитету, отец менял его полушубок на другой. Походив некоторое время в этом полушубке, секретарь партакчейки снова приходил на склад и просил сменить его на новый полушубок. Получив отказ, он опять канючил до тех пор, пока отец не соглашался снова обменять непонра-

Дом Гавриловых в д. Озеро. Фото 1950-х гг.

вившийся ему полушубок на другой. Это повторялось несколько раз.

Отец рассказывал о завидующем, ненасытном секретаре партячейки с усмешкой, но мать отца не одобряла, говорила, что он напрасно ссорится с представителями власти.

Однажды отец пришел с работы озабоченный, сообщил:

— Вызывал председатель колхоза, сказал, что меня снимают с кладовщиков, приказал сдать склад особой комиссии. Когда я сказал, что меня кладовщиком избрало общее колхозное собрание, он ответил, что это решение правления колхоза, а с общим собранием они сами разберутся.

Решение о снятии с кладовщиков отца не огорчило.

— Хватит мне сидеть на этом складе. Надоело, — сказал он. — Пойду работать в поле, рабочие везде нужны.

Три дня отец сдавал свой склад комиссии, которая тщательно считала и по несколько раз пересчитывала всё, что на нем имелось, но не нашла ни недостатков, ни излишков, о чем и был, наконец, подписан акт.

После сдачи склада отец пришел домой веселый — сбросил с себя нелегкий груз. На следующее утро он пошел в правление колхоза к председателю просить себе новую работу. Председатель колхоза, хитроватый мужик с бегающими глазами, встретил его очень приветливо и стал уговаривать:

— Зачем тебе так сразу нужна работа? Отдохни, тебе по дому что-нибудь надо сделать, а мы подумаем и подберем для тебя хорошую работу.

Какую участь они готовили отцу в действительности, он, конечно, знал, но, разумеется, этого ему не сказал. Отец остался недоволен разговором с председателем и на следующий день самовольно вышел на работу в бригаду, которая занималась заготовкой сена. Там его приняли с радостью. Вечером отец увлеченно рассказывал, как они сметали большой скирд сена. На следующее утро он снова уехал с бригадой на сенокос.

Казалось, что в жизни всё идет хорошо. Никто не знал и не подо-

зревал, что над семьей сгущаются тучи. Вечером приехавшие с сенокоса женщины принесли ошеломляющую весть: отец арестован. За что? Где, когда, какое преступление он совершил? Никто ничего не знал. Рассказали: на покос приехали два милиционера, забрали отца и увезли с собой. Мать разрыдалась, бабушка успокаивала ее, что, может быть, это ошибка, какое-то недоразумение. Дети не понимали: за что могли арестовать их дорогого, всегда справедливого отца, учившего их никогда никому ничего не делать плохого?

Через несколько дней мать вызвали на колхозное собрание. С собрания она пришла расстроенной. На собрании был поставлен вопрос об исключении семьи из колхоза. Представитель сельсовета по бумажке зачитал вины отца: вел антисоветскую агитацию, выступал против создания колхоза, при вступлении в колхоз не сдал в колхоз лошадей и инвентарь, сознательно разбазарил имущество. В зале начались крики: «Неправда!», «Враки!», «Ложь!», «Знаем его хорошо, зачем врете?» Выступили председатель колхоза, секретарь партячейки, но их не слушали, зал весь шумел и председатель закрыл собрание, не приняв никакого решения.

Несколько дней спустя состоялось новое колхозное собрание. Снова поставили вопрос об исключении семьи из колхоза. Сообщили: органами раскрыта подпольная контрреволюционная организация, в которой состоял отец, он арестован и предстанет перед судом. На сей раз собрание проголосовало за исключение семьи из колхоза. С собрания мать пришла заплаканной, сказала, что семью выселят, а имущество конфискуют.

Горе горькое по свету шлялось и в деревню к ним набрело. Горе, страшная беда, несчастье — пришли неожиданно, внезапно, неизвестно откуда. Они врасплох застигли эту благополучную, счастливую семью. Выявилась полная беспомощность семьи перед невидимой силой, невозможность что-либо сделать, изменить. Мать и бабушка были в растерянности: глава семьи, единственный кормилец,

арестован, семью выселяют из дома, дети малолетние, имущество отберут, что теперь с ними будет?

Утром следующего дня пришла комиссия описывать имущество. Комиссия заняла большую комнату, ее члены сели за стол, заплаканную мать посадили на скамейку напротив и приказали показывать свое имущество.

— Что я вам должна показывать? — отвечала мать. — Всё имущество перед вами, пишите.

— Вы можете оставить себе только то, что надето на вас и на членах вашей семьи, всё остальное у вас мы должны отобрать.

Комиссия приступила к описи имущества, но сразу возник вопрос: какое имущество будем описывать? Один из членов комиссии сказал, что ведь семью не раскулачивали, кулацким имуществом считаться не может. Начался спор, но его успешно разрешил политически более грамотный представитель партячейки. Не вдаваясь в юридические тонкости, он заявил:

— Идет классовая борьба. Кулаки, подкулачники, их прихвостни — одна шайка. Раз семью ссылают, значит это враги народа, классовые враги, а имущество — кулацкое.

В результате их творчества возник документ, который здесь приводится с соблюдением орфографии подлинника:

«Опис имущества

1931 года Июля 12 дня. Мы ниже подписавшиеся комиссия Сикиязского сель/совета. 1. От партии Храмцов Павел Тимофеев 2) от сель/совета Левонтев Василий Пер. От колхоза 3) Резанов Василий Павлович. Сего число произвести опис у кулацкого имущества Гаврилова Василья Васильевича».

Начать решили с оценки дома. Но тут выявились разногласия: за какую цену можно продать дом? В конце концов решили назначить ему цену с солидным запросом. В описи записали:

1. Дом 1. 150 руб.
2. Ворота 1. 10 руб.

Далее дело пошло быстрее. Дворовые постройки были оценены:

Крыша крытая соломой 1. 10 руб.
Конюшня 1. 10 руб.
Хлев 1. 10 руб.
Баня 1. 10 руб.
Гумно 1. 4 руб.

Мебель и имевшиеся домашние приборы были оценены быстро, причем самыми ценными из них оказались самовар и сепаратор. Последовали записи:

Столов 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Стульев 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Лавок 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Самовар 1. 15 руб.
Кадушек 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.
Шкаф для посуды 1. 1 руб.
Комод 1. 5 руб.
Сепаратор 1. 6 руб.
Кровать деревянная 1. 3 руб.
Занавес ситцевых 12 аршин. 3 руб. 60 коп.
Зеркало большое 1. 1 руб.
Часы стенные 1. 3 руб.

Потом последовала опись посуды, причем комиссия оставила семье только одну большую деревянную чашку и восемь деревянных ложек по числу членов семьи. Эта деревянная чашка, милостиво предоставленная семье, четыре года являлась почти единственным предметом семейной столовой посуды, а затем очень долго сохранялась в качестве семейной реликвии.

Опись пополнилась новыми записями:

Ложек 5. По 5 коп. Всего – 25 коп.
Чайных чашек 9. Всего – 1 руб. 80 коп.
Блюдо 1. 30 коп.
Вилки 8. По 10 коп. Всего – 80 коп.
Сита 3. По 30 коп. Всего – 90 коп.
Квашня 1. 30 коп.
Тушилка 1. 20 коп.
Ведер деревянных 2. По 30 коп. Всего – 60 коп.
Ведер железных 3. По 1 руб. Всего – 3 руб.
Кринок 5. По 10 коп. Всего – 50 коп.
Подойница 1. 30 коп.
Горшков 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.
Чугунков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Стеклянная кружка 1. 30 коп.

С приходом комиссии мать за- толкала детей в чулан, наказав им не выходить из него. Отсюда они слушали разговоры комиссии и ответы матери. Время от времени мимо чулана проходила бабушка,

вслух высказывая свои мнения о происходящем:

– Ироды, супостаты, еретики проклятые. Вчера Макар телят гонял, теперь Макар в воеводы попал. Кричит: «Все опишу! Все опишу!» Псы ненасытные. Безбожники. Иуды. Сатанинское отродье. Бог все видит, все знает. Бог их накажет!

Комиссия стала переписывать всяческую мелочь. В описи последовали записи:

Керосину 2 литра. По 15 коп. Всего – 30 коп.
Ламп 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Мешков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Половиков 2. По 20 коп. Всего – 40 коп.
Фуражек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Кофты 4. По 1 руб. Всего – 4 руб.
Рубахи мужские 2. По 50 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.
Шаровары 2. По 2 руб. Всего – 4 руб.
Кудели 20 шт. По 1 коп. Всего – 20 коп.
Запонов 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Шерсти 3 шт. По 60 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.
Комнатных цветов 12. По 2 руб. Всего – 24 руб.
Подушек пуховых 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Одеяло двухспальное 1. 2 руб.

Мать была подавлена и покорно соглашалась со всем, бабушка спорила с комиссией и стыдила их:

– Бессовестные. Креста на вас нет. Всё отбираете, а как мы жить будем? Посуду забираете, одежду, а мы в чем ходить будем, в чем будут ходить ребята, как готовить пищу? Ироды. Бог вас накажет!

Но комиссия продолжала неуклонно выполнять данное им ответственное поручение. Покончив с горшками, чугунами и попавшейся на глаза мелочью, она взялась за домашних животных, пересчитав их вплоть до поросят и куриц. Их подсчетов и записи в опись из домашней живности избежала только кошка, с испугу забившаяся вместе с детьми в чулан.

В составлявшейся описи появились записи:

Коров 1. 30 руб.
Телят 1. 2 руб.
Овец 4. По 2 руб. Всего – 8 руб.
Ягнят 4. По 50 коп. Всего – 2 руб.
Гусей 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.

Свинья 1. 20 руб.

Поросят 3. По 3 руб. Всего – 9 руб.

Куриц 12. По 50 коп. Всего – 6 руб.

Перетрясли продовольственные запасы семьи, в них оказалось:

Сахарного песка 8 кг на 20 руб.

Масла скоромного 15 фунтов на 12 руб.

Постного масла 2 кг на 1 руб. 20 коп.

Сала свиного топленого 5 фунтов на 5 руб.

Столовой соли 1 пуд на 46 коп.

Мяса говяжьего 2 пуда на 8 руб.

Пшеничной муки 3 пуда на 3 руб. 90 коп.

Ячменной крупы крупной 30 фунтов на 90 коп.

Ячменной крупы мелкой 15 фунтов на 45 коп.

Яиц 45 шт по 3 коп. на 1 руб. 25 коп.

Комиссия устала от изнурительной работы и решила сделать перерыв. Строго-настрого приказав матери сохранять переписанное имущество и не притрагиваться к еще не переписанным вещам, комиссия отправилась обедать.

Выполняя ответственное поручение, члены комиссии, «самые сознательные и самые принципиальные», были не прочь взять себе что-нибудь из описываемых вещей. Один из членов комиссии решил забрать отцовский ящик со столярными инструментами, которыми любил работать отец, но возмущенная мать бросилась к нему, ударила его по руке, и он отпустился от ящика. Другой член комиссии, уходя на обед, взял школьную сумку только что окончившей первый класс Марии, в которой были букварь и подаренные ей цветные карандаши. Девятилетняя Мария бежала за ним, плакала и просила: «Дяденька, отдайте мои книжки, отдайте сумку!» – но член комиссии прогнал ее обратно домой, сказав: «Хватит кулацким детям учиться, теперь будут учиться мои».

Пришла родная младшая сестра матери Анна, жившая со своей семьей на другом конце деревни. Мать отдала ей свои праздничные платья и еще какие-то мелкие вещи, завернув их в кусок ткани, и велела идти со свертком домой не по улице, а по огородам, сказав, что если ей самой не пришлось поносить свои платья, то пусть носит их она. Пришли соседки – подружки матери. Они сочувствовали мате-

Пасека и дом пчеловодов на Первом отделении
Месягутовского зерносовхоза. Фото 1937 г.

ри, охали и ахали. Мать разрешила им взять себе всё, что им понравится из того, что еще не успели описать. Расхватав, что получили, соседки быстро ретировались.

Пришла дряхлая старушка Антипьевна. Она жила одна на краю деревни в жалкой хибарке, одно из двух окон которой было забито досками. Ее единственный сын работал где-то в городе, она жила на присылаемые им деньги. Старую, дряхлую, плохо передвигавшуюся, ее в деревне считали за полунищую. Ее появление в доме вызвало удивление.

— Услышала Саня, — после пришествия заговорила Антипьевна, — что у вас описывают и отбирают имущество. Дай мне что-нибудь на сохранение, я всё сберегу в целости и сохранности, ей-богу, а когда вернетесь, ей-богу, я вам всё верну обратно.

Предложение Антипьевны удивило мать и бабушку, а ее слова о возвращении вызвали у матери новые слезы.

— Что ты, Антипьевна, какое возвращение? Ссылают навечно. А имущество всё уже описали или схватили, что тебе можно отдать? Вот только осталась поварешка, возьми ее.

Антипьевна спрятала поварешку под свою одежду и ушла, божась

и несколько раз повторив, что сохранит ее в целостности и сохранности.

Матери удалось спасти одеяло из верблюжьей шерсти, которое она выбросила в открытое окно в палисадник, где стояла Мария, спрятавшая его в куст смородины. Потом это одеяло взяли с собой, оно очень пригодилось семье в дороге и в Сибири.

Вернулась отдохнувшая и подкрепившаяся комиссия. С ней пришло еще несколько мужчин, сразу приобщившихся к досмотру и описи имущества. Один из пришедших, высокий, тощий мужчина, стал допрашивать мать и бабушку, где они хранят золотые и серебряные вещи.

— Какое золото, серебро? — отвечала мать. — Я в жизни их никогда не видела.

Бабушка сказала, что у нее есть серебряная вещь и показала малюсенький нательный крестик, висевший у нее на шее.

Тощий мужчина презрительно фыркнул:

— Не прикидывайтесь дураками. Я спрашиваю: куда спрятали свои золотые и серебряные вещи? Где закопали свои клады? Не хотите говорить? Найдем.

Он вышел во двор и начал метр за метром осматривать ограду. В

руках у него была железная палка, заостренная с одного конца — щуп, который он время от времени втыкал в землю, надеясь наткнуться на зарытый клад. Исследовав весь двор, он ушел в огород, продолжая метр за метром прощупывать землю. Найти что-либо он не смог.

Между тем комиссия продолжила свою работу. Полагая, по-видимому, что она ссылает семью в Крым или на Черноморское побережье Кавказа, или в какие-нибудь теплые страны, комиссия отобрала у семьи всю теплую одежду и обувь. Писарь записывал:

Шуб женских крытых 2. По 15 руб.
Всего — 30 руб.

Шуб дубленых 1. 5 руб.

Шуба дубленая женская 1. 5 руб.

Шубы детские 3. На 2 руб.

Валенок старых 4. По 1 руб. Всего — 4 руб.

Чепан старый 1. 1 руб. 50 коп.

Катанок старых 6 пар. 60 коп.

Овчин деланных дубленых 2. По 1 руб.

Всего — 2 руб.

Комиссия спешила завершить свою работу и, обшаривая все углы, пополняла опись новыми записями:

Инструментов столярных

Ножевка 1. 50 коп.

Станковая пила 1. 50 коп.

Фуганок 1. 1 руб.

Топор широкий 1. 1 руб.

Тканых полотенцев старых 6. По 30 коп. Всего 1 руб. 80 коп.

Клею столярного 1 фунт. 50 коп.

Лампа 20-линейная 1. 1 руб.

Шаровары тканые из шерсти 1. 1 руб. 50 коп.

Портянки тканые 4 пары. По 50 коп. Всего — 2 руб.

Детских рубашек старых ситцевых 13. По 1 руб. Всего — 13 руб.

Сапог детских 3. По 2 руб. Всего — 6 руб.

Онучи из шерсти 1 пара. 1 руб. 50 коп.

Бердов для тканья 15. По 50 коп. Всего — 7 руб. 50 коп.

Кросна 1. 3 руб.

Самодельной ткани шерстяной 6 метров. По 50 коп. Всего — 3 руб.

Мужского холста аршин 12. По 20 коп. Всего — 2 руб. 40 коп.

Мужского холста тонкого 13 аршин. По 20 коп. Всего — 2 руб. 60 коп.

Холста тонкого 6. По 15 коп. Всего — 90 коп.

Шерстяной пряжи 1. 2 руб.

Полотно $\frac{1}{4}$. 5 коп.

Читателю, по-видимому, уже надоело читать эти перечисления всяческой мелочи. Но автор считает необходимым привести этот ис-

торический документ полностью, чтобы можно было реально оценить материальное положение управляемой в ссылку семьи из восьми человек.

Тяжелая и ответственная работа комиссии, кажется, подходила к концу. В опись были занесены последние записи:

Запонов женских 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Юбок женских домотканых 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Подштанников мужских 7. По 50 коп. Всего – 3 руб. 50 коп.
Полотенцев ручных 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.
Клеенка настольная 1. 3 руб.
Детских рубашек 5. По 1 руб. Всего – 5 руб.
Рубашек женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Детских кофточек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Платков женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Юбка ситцевая женская 1. 2 руб.
Детское одеяло байковое 1. 2 руб.
Карандашей химических 18. По 10 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.
Почтовых марок 19. На 65 коп.
Тетрадей писчих 4. На 16 коп.
Займа индустриализации 1. На 5 руб.
Крестьянского займа 2. На 5 руб.

Итак, закончен труд, ниспосланный из руководящих инстанций. Мать обязали под ее строжайшую ответственность хранить описанное имущество, взяв с нее сохранную расписку. Вот эта расписка, приводимая с соблюдением орфографии подлинника:

«Сохранная расписка

1931 года 12 июля нижеподписавшаяся Гаврилова Александра даю настоящую расписку о сохранении членам комиссии в том что я описано имущество выше упомянутых вещей обязуюсь хранить таковые за растрату такового отвечаю судебным порядком в чем расписуюсь».

Под распиской мать, в свое время ходившая в школу одну зиму и умевшая расписываться, вывела свою подпись. Однако из-за переживаний и волнения у нее не хватило сил полностью, до последней буквы, написать свою фамилию и имя и на расписке осталась такая подпись:

Гаврило ...
Алексан...

Ниже следовали три размашистые подписи членов комиссии.

Детям надоело сидеть в полутемном чулане и они, воспользовавшись суматохой в доме, выскользнули из него и убежали на болото, где играли несколько их сверстников и более взрослые ребята двенадцати – тринадцати лет. Малыши играли в прятки, более взрослые ребята осваивали искусство табакокурения. Кто-то из них принес табак и спички. Они свертывали самокрутки и пытались их поджечь, но спички ломались или их гасил ветер, и юным табакурам никак не удавалось насладиться заветным дымом. Но вот один из ребят уронил на землю горящую спичку, вспыхнула сухая прошлогодняя трава, огонь охватил близстоявший кол и побежал по жердям изгороди, отделявшей деревню от болота. Ребята перепугались, а затем закричали и все бросились бежать в деревню.

Дима и Павел не понимали, что произошло и стояли на месте. Когда они посмотрели в сторону болота, то увидели, что к ним приближается возвращавшийся с болота охотник в высоких болотных сапогах с ружьем за плечами. Его-то и испугались убежавшие ребята. Дима и Павел узнали в охотнике соседа и продолжали стоять на том же месте.

– Это вы подожгли? – спросил охотник.

– Нет. Это ребята, которые убежали.

– Пошли домой. Изгородь надо тушить, а то она может разгореться и будет большой пожар.

Охотник взял их за руки и повел домой. Мать, взвинченная событиями прошедшего дня, разнервничавшаяся, не стала разбирать, кто прав и кто виноват, и набросилась на ребят:

– Паршивцы. Вам запретили ходить на болото, зачем вы туда пошли? Вы зажгли изгородь, вы и тушите огонь.

Напрасно братья в голос кричали, что подожгли не они. Мать не слушала оправданий, налила в большое деревянное ведро воды и заставила их тащить его к изгороди. Ведро было тяжелое, шестилетнему Павлу и четырехлетнему Диме оно было не под силу, тащи-

ли они ведро с трудом, оба горько плакали, слезы текли по их щекам, а мать шла сзади с ремнем и ударами по спинам и пониже подгоняла их. На помощь бедолагам пришла бабушка, увидевшая истязание внуков.

– Саня, что ты делаешь? – закричала она. – Зачем мучишь ребят? Они наверно и не виноваты, давай сами потушим огонь.

Несколько ведер воды, принесенных бабушкой и матерью, потушили огонь.

Полученный урок Дима запомнил на всю жизнь. Этот первый в его жизни урок оказался поучительным. Дима узнал, что человек, ничего не подозревая, может внезапно оказаться без вины виноватым, что друзья-товарищи могут убежать, оставив тебя отвечать за их проступки. Жизнь начала преподносить свои суровые уроки.

ГЛАВА 3. ОТПРАВКА В ССЫЛКУ

*Тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.*
С.Есенин.

За темной прядью перелесиц.

Слух, что семью ссылают, быстро разнесся по деревне. Возле родительского дома стал собираться народ. Ворота были открыты, в ограду въехали две подводы, на которых в качестве ездовых сидели подростки. Они стали поджидать своих необычных пассажиров. Мать и бабушка укладывали в мешки вещи, разрешенные им комиссией взять с собой, одевали детей в дорогу. Мать надевала на Диму рубахи одну за другой. Дима уже умел считать до десяти и насчитал семь надетых на него рубах.

– Мама, зачем мне семь рубах? Мне жарко будет.

– Это только на время. Нам решили взять только то, что надето на нас. Износится или загрязнится одна рубаха, наденем другую. Понял?

Организаторы ссылки торопили со сборами. Вот все оделись, жалкие пожитки уложены, семью стали выводить из дома. Впереди шла мать, держа за руку Диму, который

нес в руках плюшевого медвежонка с черными глазами-пуговицами, недавно подаренного ему отцом. Дима любил играть с медвежонком, разговаривал с ним, обсуждая свои ребячьи проблемы, а ложась спать, клал его рядом с собой. За ними шли бабушка с малолетней Еленой и остальные члены семьи: Алексей, Мария, Павел. Бабушка несла свернутую в трубу большую войлочную кошму, отвоєванную ею у комиссии. Эта кошма затем много лет служила семье, на ней, расстеленной на полу, вповалку спали дети.

Но как только эта грустная процессия вышла на крыльцо, к ней подскочил старичок-активист, который схватился за медвежонка и стал его вырывать из рук Димы. Или старичок был бессильный, или Дима, оторопевший от такой наглости, сильно, изо всех своих сил так крепко ухватился за медвежонка, что отнять у него медвежонка старикашка не смог. Началась возня старого с малым с переменным успехом.

Хмурая толпа, стоявшая в ограде напротив крыльца и ожидавшая вывода ссылаемых, заволновалась. Впереди стояли женщины, сзади за ними находились мужчины. Но тут мужчины выдвинулись вперед, отеснив женщин на второй план. Толпа загудела, раздались крики, угрозы:

– Зачем обижаешь ребенка? Прохвост! Подхалим!

Молодой мужик схватил старикашку за ворот и занес над ним кулак. Старик испугался, побледнел, но не растерялся (был пронырливый и хитрый) и завопил:

– Люди добрые! Медвежонок записан в описи! Подлежит изъятию!

Много позже, став уже взрослым, Дима выяснил, что никакого плюшевого медвежонка в описи не было. В этом может убедиться и сам читатель, просмотрев главу вторую нашей повести, где эта опись приведена полностью. Изворотливый старикашка соврал и ловко увернулся от заслуженного за явное мародерство тумака. Толпа дрогнула. Занесенный кулак повис в воздухе. Мать взяла медвежонка у Димы и отдала его старикашке, который тут же быстро куда-то исчез.

Прошло много лет, но этот эпизод врезался Диме в память на всю жизнь. Ему довелось побывать в самых шикарных магазинах с большими отделами великолепных игрушек, в музеях детских игрушек в стране и за рубежом, но никакие самые дорогие и чудесные игрушки не волновали его. Но когда в каком-нибудь захудалом магазине он видел среди игрушек плюшевых медвежат, у него сжималось горло, на глаза навертывались слезы. Он никогда не покупал и не дарил кому-либо плюшевых медвежат.

Возбужденная толпа продолжала гудеть. Быстрым шагом в ограду вошел высокий властный мужчина – колхозный бригадир.

– Что разгалделись? – крикнул он на толпу. – Сами голосовали за исключение из колхоза, что теперь шуметь.

Он отеснил толпу от стоявших в ограде подвод и начал командовать:

– Чего тянете? Отправляйте людей скорее. Пусть садятся в телеги, кладите на подводы котомки. Выезжайте!

На одну из подвод села мать с малышами – Димой и Еленой, на другую – бабушка со старшими детьми – Алексеем, Марией и Павлом. Подводы двинулись из ограды на улицу, но лошадь первой подводы, подойдя к воротам, остановилась как вкопанная и отказалась идти дальше. Подросток, сидевший на телеге, сколько ни поныкал, махался кнутом, лошадь не шла.

Какой-то уполномоченный подскочил к телеге, схватил кнут и стал ожесточенно, неистово хлестать лошадь. Она гневно и жалобно заржала, захрапела, рванулась назад, а затем встала на дыбы, телега и оглобли затрещали, но лошадь не двинулась с места. Наэлектризованность толпы, по-видимому, передалась и лошади, она каким-то лошадиным чутьем поняла, что ее заставляют участвовать в каком-то несправедливом деле.

Бригадир бесцеремонно оттолкнул уполномоченного, вырвал из его рук кнут, свернул его и бросил на подводу подростку. Он подошел к лошади, взял ее за узду, начал

гладить ее по морде и шее, приговаривая:

– Ну что ты, ворона, что с тобой? Ты же умница. Столько ты верно служила, послужи еще. Раз надо, то надо ехать.

Он повел лошадь за узду, она покорно пошла за ним. Бригадир вывел лошадь на дорогу и обе подводы медленно поехали по улице на выезд из деревни. Впереди ехали двое верховых конвойных с ружьями, сзади телег шла толпа сочувствующих ссылаемым и просто любопытных. Постепенно от толпы отставали люди один за другим, толпа редела, на выезде из деревни за последней телегой шли только несколько женщин и заплаканная сестра матери Анна.

Мать сказала сестре, что у нее есть свои дети, ей надо возвращаться домой, и они стали прощаться. Они обнялись и обе плакали навзрыд, плакать начали и все дети. Подводы остановились. Оторопевшие подростки-возницы, слушая этот сплошной плач, рев, сидели с выпученными глазами и не знали, что им делать. Верховые конвойные, уехавшие вперед, остановились, что-то кричали и махали руками, но подводы с ссыльными не двигались.

Наконец, подростки-возницы, не выдержав непрерывный, тягостный вой обреченных, тронули лошадей и повозки снова двинулись в путь. Анна с женщинами остались стоять на месте, уезжавшие – мать и все остальные – на прощание махали им руками. Может, они расстанутся навечно! На всю жизнь! Навсегда! Неизвестно, свидятся ли они когда-нибудь вновь?

Проехав деревню, конвойные перестроились: теперь один верховой ехал впереди, второй – позади телег. Под этим эскортом переехали широкую дорогу, соединявшую две деревни, и, минуя их, по проселочной дороге проехали через Каменный лог и выехали на широкое равнинное поле за селом Месягутово, на котором стоял большой обоз – целый табор из десятков телег с ссылаемыми людьми. Взрослых мужчин среди них не было, только женщины, дети и подростки. Это были ссылаемые люди, свезенные сюда со всего района. Вновь

привезенных спрашивали: «Из какой деревни?» — и сами отвечали: «Мы из Дувана», «Мы из Тастубы», «Мы из Ярославки», «Мы из такой-то... из такой-то...»

Операция по «массовому выселению кулацко-белогвардейского элемента» оказалась грандиозной. О коллективизации, раскулачивании написана гора книг, художественных произведений и исторических исследований. О «полной очистке» местностей от «кулацко-белогвардейского элемента» в 1931 г. в литературе встречаются лишь редкие беглые упоминания. Между тем, она имела массовый характер, затронула тысячи людей, сопровождалась обычными для того времени «перегибами» и «извращениями», и заслуживает серьезного внимания, обстоятельного, подробного изучения историками и литераторами.

В таборе спецпереселенцев, из разговоров с ранее приехавшими, мать и бабушка узнали, что тем при высылке было разрешено взять по два пуда вещей на каждого человека. Достоверность этого подтверждали лежавшие на телегах у них огромные мешки, баулы и свертки, несоразмерные с жалкими котомками на телегах матери и бабушки. Мать пришла в отчаяние от явного обмана своими односельчанами, о комиссии и деревенских руководителей говорила:

— Жулики, мошенники! Обобрали чуть не до нага. Как жить будем? Что носить будем? Как будем обходиться без посуды?

Бабушка высказывалась более резко:

— Подлецы. Мерзавцы. Супостаты. Ироды. Псы ненасытные. Даже детей не пожалели, всё хватали, хватали. Зачем им нужна разная мелочь, наша шарабора? Подмели подчистую. Бог их накажет. Накажет! Гореть им в геенне огненной!

Дети не осознавали заботу матери и бабушки о будущем семьи, но видели справедливость бабушкиной оценки деятельности хозяйничавших в их доме весь день наглых членов комиссии, описывавшей имущество, и местных руководителей.

Стало смеркаться. На телегу, на которой находилась мать с ма-

лолетками, сел знакомый деревенский парень-комсомолец, сын Дарьи Периной. В руках у него было ружье, с которым он долго играл, выполняя различные приемы, а затем выстрелил из него в воздух. В таборе началась паника. Раздались крики: «Банда! Напали бандиты!» Вокруг табора помчались всадники, один из них надрывно кричал: «Тревога! Тревога! В ружье! Занимайте оборону!» Но никакие бандиты не появлялись, табор начал успокаиваться.

Стали искать виновника, который стрелял и вызвал панику, и скоро добрались до телеги, где сидел деревенский комсомолец. Он не стал отпираться и сразу сознался, что стрелял он. Начался допрос:

— Зачем стрелял? Кто разрешил?

Комсомолец (он был из бедняцкой семьи) беспечно отвечал:

— Развлекался. Надоело скучать. Говорили: пойдём сражаться с бандитами. А что вышло? Должен караулить баб и малолетних ребятшек. Это комсомольское дело?

Руководители конвоя стали поучать его:

— Тебе дали ответственное комсомольское поручение. Ты должен гордиться оказанным доверием. А ты подводишь нас, вызвал общий переполох. Обсудим тебя на комсомольском собрании, а, может быть, и исключим из комсомола.

— Ну и исключайте. Нужен мне такой ваш комсомол.

Ему приказали сдать ружье и отправили его домой, чему он был явно рад. Он отдал ружье и тут же пошел домой, растаяв в темноте.

Летняя ночь была теплой. Ночью семья спала на телегах, укрывшись сбереженным одеялом и тем, что нашлось в котомках. Рано утром, едва рассвело, табор подняли на ноги. Конвоиры торопили ссыльных собираться в дорогу, говоря, что предстоит дальний переезд. Было объявлено, что их повезут на железнодорожную станцию. Вскоре табор поднялся с места и двинулся в путь, спереди, сзади и по сторонам его ехали конвойные с ружьями.

В первой небольшой деревне, через которую проезжали ранним утром, на улицах людей было мало.

Дети: Дима, Павел, Мария.
Фото 1936 г.

Они с удивлением смотрели на телеги с ссыльными женщинами и детьми и сопровождавших их конвойных. Некоторые забегали к себе домой, брали хлеб и что-нибудь из пищи и, несмотря на окрики и брань конвойных, отдавали их ссыльным.

В следующей деревне, с русско-башкирским населением, картина повторилась. По-видимому, там уже знали, что через их деревню провезут ссыльных. Народу на улицах было много. Видя на телегах одних женщин и детей, вышедшие на улицу кричали конвоирам: «Куда их везете?», «Сволочи!», «Шайтаны!», сыпали в их адрес разные ругательства. Конвоиры стали гнать лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через деревню. Кони уже бежали рысью, несмотря на это жители успевали подскочить к телегам и передать ссыльным хлеб, лепешки, пироги или шаньги. Одна башкирка, увидев телегу, на которой ехали мать с малышами, бросилась к ним между лошадьми конвоиров и из чугунка, который был у нее в руках, высыпала на платок матери еще горячую картошку.

Следующим на пути было большое село, где обоз со ссыльными женщинами и детьми уже ждали. Все улицы были запружены народом, который вышел поглядеть на предстоящее зрелище. Конвоирам буквально пришлось расчищать

путь для проезда обоза. Впереди ехавшие конвойные размахивали плетками и кричали: «Дорогу! Дайте дорогу! Разойдись! Разойдись!». Ехавшие рядом с телегами конвойные усердно подгоняли лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через село. Кони мчались рысью, жители, облепившие обоз, несмотря на угрозы и окрики конвойных, совали ссыльным хлеб, лепешки, пироги, шаньги, другую пищу. Раздавались мат, крики: «Мерзавцы! Куда вы их везете? Негодяи! Подлецы! Подонки! Легавые!» Неприязненность, враждебность толпы, простых людей к конвоирам и их явное сочувствие к ссылаемым женщинам и детям, приободрили ссыльных, подняли их мрачное настроение.

С трудом пробравшись через село и отъехав от него на две-три версты, обоз свернул с дороги и остановился на большой поляне. Был полдень. Конвойные отказались ехать дальше. Руководители конвоя собрались в кружок на совещание и решили переждать до темноты. С наступлением сумерек обоз двинулся дальше. Ночью проехали через две спящие деревни. Народу на улицах было немного, некоторые жители, услышав едущий обоз, выходили через калитки на улицу, в других домах открывались окна и любопытные пытались посмотреть, кого везут. Конвоиры, сопровождавшие обоз, кричали: «Дорогу! Дорогу! Освободите улицу! Уходите домой! Закрывайте окна!», — щелкали кнутами, били нагайками по окнам.

Утром обоз был на железнодорожной станции, где ссыльных уже ждал поезд с красными товарными «стольпинскими» вагонами. Началась подготовка к посадке в вагоны. Толстый, низкорослый начальник шел по перрону и командовал: «Первый «Столыпин». Сорок человек! Всё, хватит. Осадите назад!» «Второй «Столыпин». Сорок человек!» «Третий «Столыпин». Сорок человек!» И шел дальше. Последовала команда: «Приготовиться к посадке!» Открыли двери вагонов, раздались команды: «По вагонам! Садитесь, грузите вещи!»

Бабушка первой вскочила в вагон и заняла место на нижних и верхних нарах с небольшим зарешеченным

окошечком. За ней в вагон полезли дети и мать, волоча за собой котомки. Вслед за ними в вагон влезали остальные люди, назначенные к посадке в этот вагон, загружали в него мешки, баулы и различные свертки, устраивались и укладывались на местах, на которых им предстояло отправиться в неизвестный путь. Споров никаких не возникало, люди теснились, помогая друг другу.

Дима смотрел в открытую дверь и увидел: по перрону по четыре человека в ряду шла колонна заключенных-мужчин, которых вели шедшие рядом с колонной конвойные красноармейцы с винтовками со штыками наперевес. Когда колонна проходила около какого-либо вагона, от нее отделялось несколько мужчин, они присоединялись к находившимся в вагоне ссыльным, а колонна шла дальше. Посредине колонны Дима увидел отца. На голову выше остальных заключенных, голубоглазый, он шел и улыбался.

— Мама, — закричал Дима, — смотри — наш тятя!

— Какой тятя? Откуда ему здесь взяться? — сказала мать, не веря Диме. Но бабушка тоже увидела отца.

— Саня, — воскликнула бабушка, — да смотри же ты вон туда. Правда, идет Вася.

Колонна поравнялась с вагоном, в который погрузилась семья. Увидев родных, отец отделился от колонны и присоединился к своим. Малышня бросилась к отцу на шею, как гроздь повисли на нем. Мать и бабушка плакали от радости. Бабушка говорила: «Слава богу, теперь мы снова все вместе. Теперь с нами Вася. Теперь нам ничего не страшно!» Радости семьи не было предела.

— Откуда и как появился отец при посадке семьи на поезд?

ГЛАВА 4. АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ

Арест — задержание, заключение под стражу подозреваемого.

Уголовный кодекс РСФСР.

— Привезли. Принимай очередного.

Дежурный по райотделу милиции посмотрел на привезенного арестованного.

— Почему ездили так долго? Уехали утром, а вернулись только вечером? При аресте сопротивлялся?

— Не сопротивлялся. Приехали к нему, его нет дома. Сказали, что уехал с колхозниками в поле. Мы к председателю колхоза. Он говорит, что приказал ему сидеть дома, но он не послушался и уехал работать в поле. Куда уехал — никто не знает. Приехали в поле к одной бригаде — его там нет, приехали ко второй бригаде — тоже нет. Ну, думаем, наверное, каким-нибудь путем узнал об аресте и сбежал. Приехали к третьей бригаде — он там спокойно работает на сенокосе. Посадили его к себе на тарантас и привезли. Вот и ездили по полям весь день.

— Вам повезло. Недавно привезли двух буйных, при аресте сильно избили одного нашего милиционера. Отведите арестованного к следователю, он его ждет.

Следователь, сидевший в небольшой грязной комнатухе, сверил анкетные данные арестованного:

— Гаврилов Василий Васильевич. Год рождения — 1893. Родился там-то, женат, дети и т.д. Всё сходится. Гаврилов Василий Васильевич, вы арестованы по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному обществу. Признаете себя виновным?

— Нет, не признаю. Ни в каком подпольном обществе не состоял, никакого контрреволюционного общества не знаю.

— Все арестованные так говорят. Следствие разберется.

Следователь приказал отвести отца в камеру. Она была уже плотно набита арестованными. На вновь прибывшего набросились с вопросами: кто такой? за что арестован? Отец отвечал, что арестовали за принадлежность к какому-то подпольному обществу, о существовании которого он ничего не знает. Его рассказ никого не удивил: оказывается, что многим из арестованных предъявлено такое же обвинение. Мужики из соседнего села Сикияз в голос уверенно заявляли, что тоже не знают, за что их арестовали, ни о каком подпольном обществе они не знают, что всё это

«придуманно чекистами», но чекисты «до ничего не докопаются, следствие окончится ничем, и всех их отпустят домой».

Арестованные сидели в камере день, второй, третий, но никого на допросы не вызывали. Однажды отец услышал, что один из милиционеров назвал другого по фамилии Омельков. Выбрав момент, когда около него не было других милиционеров, отец спросил его:

– Ты из деревни Омельково? А знаешь Афанасия Степановича Омелькова?

– Это мой родной дядя. А Вы откуда его знаете?

– В германскую служили в одной роте. Как он сейчас поживает?

– Нормально. Как все. Работает в колхозе.

– Почему никого из арестованных не вызывают на допросы?

– Ждут из центра следственную комиссию. Зверская комиссия. Говорят, работает «контеером». Что такое, я не знаю.

– «Конвейером». Я знаю, что это такое. Спасибо за всё. Передай привет от меня Афанасию Степановичу.

– Обязательно передам.

В 1920–1921 гг. отца, вместе с группой других грамотных солдат (окончил два класса земской школы), не демобилизовали, а направили для продолжения срока воинской службы в милицию. Они конвоировали арестованных, но главной их задачей была борьба с самогоноварением. Милиционеры ездили по деревням, отбирали у крестьян самогонные аппараты и конфисковывали самогон. С молчаливого одобрения начальства, озабоченного тем, как прокормить подчиненных, они действовали таким образом: из конфискованных четырехлитровых бутылей с самогоном одну-две бутылки публично, при свидетелях, разбивали, а остальные бутылки с черного хода продавали тем же крестьянам.

Краткосрочная служба в милиции, кроме фокусов с самогоном, о которых отец рассказывал с юмором, познакомила его с методами милицейской работы того времени. Арестованных не били, это было строгойше запрещено, но им не-

сколько суток не давали спать, непрерывно допрашивали до тех пор, пока они не сознавались в преступлениях. Такой допрос назывался «конвейером», его применяли очень редко, и редко кто его выдерживал.

Отец также знал, что если арестованные во время следствия подписывали протокол допроса с признательными показаниями, а потом на суде отказывались от них, ссылаясь на несправедливость следователей или применение к ним насилия, суд всегда, без какой-либо проверки, отвергал все такие жалобы.

Прошло еще несколько дней. Наконец, приехала следственная комиссия, арестованных стали водить на допросы. Подошла очередь отца.

Первый следователь, к которому он был вызван, был высокий, здоровый детина с открытым русским лицом, широкоплечий, с пудовыми кулаками. Он сидел за столом и, хмуро посмотрев на арестованного, начал выяснять анкетные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства, состав семьи.

Отец с раннего детства был заикой, в молодости заикался сильно, позже – реже, в пожилом возрасте – очень редко. Он начал с заиканием рассказывать следователю:

– Г-гав-рилов Вас-с-илий Вас-сильевич. Живу в де-де-ревне Озеро. Ж-ж-енат. В с-с-емье восемь ч-ч-ело-век: к-к-к-роме самого, ж-жена, т-т-еща, пять де-тей: Алек-с-сей, Мария, Павел, Д-д-митрий, Елена.

Перечень членов семьи утомил следователя и взорвал его:

– Мерзавец! Сволочь! Мошенник! Твою мать...

Он так грохнул по столу кулаком, что на столе подпрыгнули письменный прибор и всё, что на нем находилось, и разразился грубой руганью:

– Подлец! Негодяй! Нашкодите, напакостите, а как предстанете перед революционным судом, сразу теряете дар речи, начинаете заикаться. Тварь! Подонки! Мать твою...

– Гражд-ж-данин с-с-следователь, к-ког-да я был м-малень-кий, двух лет, напал г-гусь и с-сильно

и-искус-сал, я оч-чень и-испу-гался и стал за-зай-икаться. Б-б-абки лечили от за-зай-икания, но ничто не п-помогло. Зай-зай-каюсь до сих пор.

– Нахал! Дрянь! Паршивец! – снова загремел следователь. – Прикидываешься заикой. Но у тебя этот номер не пройдет, выясним и разоблачим. Выясним! Разоблачим!

Следователь заглянул в лежащую на столе бумажку, и стал грозно задавать один за другим вопросы:

– Почему агитировал против вступления в колхоз? Выступал на собраниях, призывал не вступать в колхоз, распропагандировать имущество?

– Гражд-ж-данин с-с-следователь, о-о-ра-тор из м-меня п-плохой. На с-собраниях никогда не выступал. П-проверьте по п-прото-к-колам, с-спрос-сите людей. Против с-советской в-власти и против к-кол-хоза никогда никому ничего не г-говорил. П-покажите, кому я г-гово-рил не вступать в к-кол-хоз?

– Кретин! Мошенник! Ты еще будешь учить меня, кого и о чем спрашивать? – снова загрохотал следователь. – Не беспокойся, всё проверим и выведем тебя на чистую воду! Что ты делал 17 мая прошлого года на Михайловской мельнице?

Вопрос насторожил отца: к чему тут какая-то мельница? Наверное, там был совершен какой-нибудь теракт или убили кого-нибудь, и теперь следствию нужно притянуть к этому делу и его. Он твердо отвечал:

– Никогда не был на этой мельнице.

Ответ разозлил следователя:

– Недоумок! Идиот! Урод! – он разразился новыми ругательствами. – Люди видели тебя на этой мельнице. Что ты там делал? Где мелете свою муку?

– Гражданин следователь, я никогда не был на этой мельнице. Как кто-то мог меня там видеть, если я никогда там не был? Когда жили единоличниками, хлеб мололи на своей мельнице, а после вступления в колхоз муку сами не мелем, мелет колхоз для всех колхозников.

– Проверим, проверим! – грохотал следователь. – Найдем свиде-

телей! Разоблачим! Почему при вступлении в колхоз не сдал лошадей и инвентарь? Обманул колхоз и государство. Паршивец! Мразь! Куда ты их дел? Продал?

– Сдал в колхоз двух лошадей – Лысуху и Рыжуху и жеребенка. Как можно было вступить в колхоз, не сдав лошадей? В деревне всё на виду, все знают, у кого что есть. Мои лошади работают сейчас в колхозе. Недавно заходил на конный двор. Лошади увидели меня, радостно заржали, подбежали ко мне. Дал им по ломтю хлеба. За лошадьми ухаживает Мишка Перин, хороший конюх, любит лошадей, доглядывает за ними. Поезжайте в колхоз, вам покажут бывших у меня лошадей.

– Проверим, проверим! Всё проверим, всё докажем! Ты любовью к лошадям меня не заговаривай! Выродок! Подонок! Дрянь! Может лошадей ты и сдал, а перед вступлением в колхоз всё свое имущество разбазарил. Хитрый: спушу что есть, а кормить меня и семью колхоз будет. Паразит! Гад ползучий! Гадина! Такие вот колхозы разоряют. Мать твою... Кретин, мерзавец и паскуда! За всё ответишь по строгости закона!

– Гражданин следователь! Ничего я не разбазаривал. Сдал в колхоз плуг, три деревянные бороны, жнейку-сброску, два улья рамочные с пчелами, пшеницы 110 пудов, овса 52 пуда, ржи 10 пудов, озими один переезд. Какое имущество обобщали – всё сдал.

– Я всё записал. Думал – наврешь, тебе так и поверят? Всё проверим, посмотрим, что наврал. Отвечать будешь по строгости закона за всё, за каждое слово. Смотрите: он святой и праведный, ничем не замаран. А вредил тайно, тихой сапой? Почему вошел в подпольный террористический кружок? Готовили свержение советской власти? Отвечай, поганец!

– Ни в каком контрреволюционном кружке я не состоял, никакой подпольной организации не знаю.

– Докажем! Мать твою...

Последовал новый трехэтажный мат. Допрос продолжался 8 часов. Следователь требовал стоять перед ним навтыжку, виртуозно матерился, непрерывно сыпал ругательства, стучал кулаком по

столу. Это был или искусный актер, или в нем кипела пролетарская злость к «врагам народа». Измотанный отец, вернувшись в камеру, разделся и лег спать, но уже через несколько минут раздалась команда: «Гаврилова – к следователю!», и его снова повели на допрос. Он понял: попал в «конвейер». Теперь – только держись, не поддавайся запугиванию, сохраняя свои физические и умственные силы.

Второй следователь, в отличие от буйного и громогласного первого следователя, оказался спокойным, рассудительным человеком, причем, по-видимому, равнодушным к исходу следствия, поскольку ему, конечно, заранее были известны его результаты. Стол следователя был завален книгами и газетами, которые он подолгу читал и делал из них какие-то выписки. Может быть, он где-то учился заочно, или готовился к какому-нибудь докладу. Он не интересовался колхозными делами и имуществом арестованного, а налег на выпытывание сведений о подпольном контрреволюционном обществе.

Последовали вопросы:

– Когда вступил в преступное сообщество? Кто вовлек тебя в преступную организацию? Кто руководил вашим кружком? Сколько членов в нем состояло? Что ты делал на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года? Какая связь была у кружка с городом? Кто ездил в город для установления связи? Кто из членов кружка ездил в город по каким-нибудь личным делам? Знаешь такого-то, такого-то, такого-то? Он называл фамилии и имена живших в Сикиязе мужиков и выпытывал, что отец о них знает.

На все вопросы арестованный отвечал:

– Не был. Не знаю. Незнаком с ним.

После нескольких вопросов следователь разрешил сесть, хорошенько подумать и говорить только правду, а сам погружался в свои бумаги. Через более или менее продолжительное время снова раздалась его команда:

– Встать! Отвечайте на вопросы.

Но опять слышал в ответ то же:

– Не был. Не знаю. Незнаком.

– Какой ты упрямый и непонятливый, – говорил следователь. – Есть неопровержимые данные об участии тебя в кружке. Чистосердечные признания позволят следствию просить о смягчении тебе наказания. Получишь по минимуму.

Но арестованный продолжал стоять на своем.

Следователь долго писал, а затем дал подписать протокол допроса.

Отец внимательно начал его читать:

– Почему вы написали, что я плохо знаю такого-то, потому что он живет в соседней деревне? Я его совсем не знаю. Он мне не кум, не сват, не брат. Никогда с ним не встречался. Вы написали, что я забыл, был ли я на Михайловской мельнице? Что значит, забыл: может, не был, а может – и был, но забыл? На этой мельнице я никогда не был. Такой протокол я не подпишу.

– А какой подпишешь?

– Такой, где правильно запишете мои ответы.

– Запишу все твои «нет, не был, не знаю», а потом подошью эту бумагу в папку? Кому она будет нужна?

Он скомкал протокол и бросил его в мусорную корзину.

– Запишу, что ты отказался подписывать протокол допроса.

– Пишите. Ваше дело.

Допрос шел 8 часов. Утомленный отец, как только его привели в камеру, не раздеваясь, лег спать и мгновенно заснул. Но поспать долго ему не удалось. Через десяток минут его разбудили и повели на новый допрос.

Третьим следователем оказался седой, благообразный, блаженный старичок, каких в народе называют «божыми одуванчиками». Он являлся председателем следственной комиссии. Старичок был необыкновенно вежлив и обходителен, говорил мягким, ласковым, слащавым голосом. Всем своим поведением старичок показывал, что он – сплошная доброта.

– Мил человек, Василий Васильевич, – обратился он к арестованному, – мы знаем, что ты хороший человек, в твоей деревне

отзываются о тебе хорошо. Эти злодеи насильно вовлекли тебя в контрреволюционную организацию. Помоги революционному следствию разоблачить негодяев, мы простим тебе ошибки, освободим из-под ареста, опять вернешься к семье. Кто из них имел оружие? Где оно спрятано? Какая связь была у них с городом? Какие у них были планы? Что они собирались делать после захвата власти в свои руки ими и их сторонниками?

Но ласковый тон и сердечная заботливость главного следователя не подействовали нужным образом на арестованного:

— Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, никакого подпольного кружка не знаю, — отвечал арестованный. — Не знаю, кто у них был в кружке, не знаю, есть ли у кого из них оружие. Да и как я мог это знать, если никого из них я не знаю?

Но главный следователь, почетный чекист, был настойчив, был опытным, умелым искусителем:

— Экий ты несговорчивый! Мил человек, ты не понимаешь своего выгодного положения. Все члены кружка арестованы, признались в своей вражеской деятельности, подписали признательные показания. Скажи нам, где у них спрятано оружие, обезвредим это осиное жало в теле революции, и мы тебя освободим.

— Но я же вам уже столько раз говорил, что не знаю никого из членов кружка. Не знаю, было ли у них оружие и где оно спрятано.

— Мил человек, как ты мог ничего не знать, если об этой банде говорила вся деревня?

— Может кто-нибудь и говорил, а я этого не знаю. Спрашивайте тех, кто об этом говорил.

— Жаль, мил человек, что не хочешь оказать революционному следствию содействие в разоблачении врагов советской власти, — сокрушался главный следователь. — Помоги найти спрятанные винтовки. Ты так бы нам помог. Мы бы тебя отблагодарили.

— Как я могу вам чем-то помочь, если я ничего не знаю? Ваша работа — вы и ищите, разоблачайте.

Допросы следовали непрерывно, один за другим, без остановки.

Первый следователь на каждом допросе неустанно матерился, сыпал ругательства, стучал кулаком по столу, выпытывал мелкие подробности о работе в колхозе и имущественном положении:

— Прикидываешься середняком, а имел две машины — жатку и льномялку. Плут, пройдоха, обманщик! Хочешь обдурить следствие? Не выйдет, мать твою...

Отец терпеливо опровергал обвинения:

— Жатку-сброску, подержанную, купил накануне германской войны у соседа. Таких жаток в деревне было несколько десятков. У других были и более сложные машины — сноповязалки, их в деревне было семь. Серпами уже никто не жнет, не старое время. А как жнут на жатке? Запряжешь лошадей, сидишь на жатке — косишь, хлеб ложится на полотно, а как накопится много, ты вилами его сбрасываешь на землю. За день намахаешься так, что руки и плечи болят. Такая механизация. Жатку сдал в колхоз.

Пришлось объяснять устройство льномялки:

— Льномялка — ручная самоделка. Три доски, на одном конце они соединены осью, на противоположном конце — соединены друг с другом только две крайние доски, а к третьей приделана ручка, за эту ручку доску поднимают вверх, а затем опускают вниз. Между досок, под поднимающуюся и опускающуюся доску, кладут лен, мнут его. Вот и вся механизация.

— До колхоза все сеяли понемногу лен, мяли его, пряли, делали холсты, шили холщовую одежду. Колхоз лен не сеет, льномялки ему не нужны. Льномялку в колхоз не сдавал, никто не просил, если она им нужна, в любое время могут прийти и взять, она лежит во дворе под крышей.

Следователь выслушивал объяснения, что-то записывал, снова следовали:

— Мерзавец! Сволочь! Негодяй! Подонок! Дрянь! Всё проверим! Докажем! Докажем! Мать твою...

Затем он переходил к новой придирке и начиналось то же самое. Правда, отец заметил, что накричавшись и наругавшись, следо-

ватель вторично уже не возвращался к этому вопросу.

Второй следователь каждый раз убеждал подписать признательные показания о принадлежности к преступному сообществу и говорил о бесполезности запирательства. Он уверял, что как только он подпишет признательные показания, его не будут больше вызывать на допросы, он не будет больше напрасно мучить себя и следователей. Третий следователь, милый старичок, председатель следственной комиссии, был по-прежнему вежлив и внимателен, каждый раз долго и назойливо выпытывал о спрятанном оружии и просил арестованного подписать показание, что он якобы слышал разговор о спрятанных членами кружка винтовках.

Теперь отец, придя с очередного допроса, не раздеваясь, ложился спать, чтобы урвать для сна хотя бы несколько минут. Когда его конвоировал Омельков, тот не сразу будил отца, давал ему поспать 10–15 минут, а на ворчание следователя, почему долго не вели арестованного, придумывал какие-нибудь причины. Да и другие конвоиры стали относиться к нему мягче, не торопили, не подгоняли, не тыкали в спину прикладами.

Отец заметил, что из камеры один за другим исчезали заключенные и при удобном случае спросил о них у Омелькова. Тот ответил:

— Как только кто подписывает признательные показания, того сразу переводят в отдельную камеру. Будут отправлять в тюрьму.

Непрерывные допросы продолжались четверо суток. Арестованный уже еле держался на ногах от недосыпания, усталости и стояния навытяжку перед следователями, голова кружилась, но он по-прежнему был тверд, не подписал ни одного протокола.

На последнем допросе председатель следственной комиссии сказал:

— Напрасно мучил комиссию столько времени. Думал: прикинусь ничего незнающим, с меня всё сойдет. Не выйдет! Завтра сделаем очную ставку и разоблачим тебя.

(Продолжение следует).

В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА*

Автобиографическая повесть

Дмитрий ГАВРИЛОВ

Доктор исторических наук,
профессор.
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
В 1951 окончил исторический
факультет Свердловского
государственного
педагогического института.
Преподавал в пединститутах
Шадринска, Липецка,
Ульяновска.
С 1981 г. – работает
в УНЦ АН СССР.
Главный научный сотрудник
Института истории
и археологии УрО РАН.
Лауреат премии
им. В.Н.Татищева
и В.И.Геннина,
премии УрО РАН
им. П.И.Рычкова.
г. Екатеринбург.

ГЛАВА 5. СУД

*Когда ввели в «народный суд»,
Народу я не видел.
Судье – простор, а прокурор
Тотчас меня обидел.*

В. Высоцкий.
Формулировка.

Дело явно близилось к концу. Отец был в недоумении. Очную ставку – с кем? Что они хотят доказать? Какие у них есть «неопровержимые доказательства», на которые следователи ссылались на допросах?

На следующий день его снова вызвали на допрос. В комнате сидели все три следователя, еще какие-то люди. Среди них отец увидел парня из соседнего села – активного комсомольца Ильку, который нередко бывал и в их деревне. Председатель следственной комиссии предложил Ильке:

– Расскажи, что ты видел на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года.

Илька вышел вперед и громко, уверенно, видимо излагал это уже не один раз, стал рассказывать:

– По заданию ОГПУ я следил за членами Сикиязского подпольного контрреволюционного кружка. В прошлом году мне стало известно, что члены кружка собираются 17 мая провести на Михайловской мельнице тайное совещание. Я уехал туда заранее и спрятался в кустах. Когда все они собрались и начали совещание, я сел у открытого окна и слышал все их разговоры. Там были тот, этот, этот и т.д. И Василий Гаврилов.

– Постой, Илька! – закричал отец. – Как я мог быть там, если тогда всю весну, два месяца, лежал в больнице?!

Илька растерялся и смутился. Он сказал:

– Я вспомнил. Василий тогда действительно болел, там его не было.

Председатель следственной комиссии вскочил и закричал (вместо мягкого, елеяного у него появился громогласный голос):

– Мерзавец! Ты лжешь нам, подлец.

Но парень оказался честным и не из пугливых. Он громко и уверенно заявил:

– Я ошибся. Гаврилова Василия на совещании не было.

Что тут началось! Шок! Рушилось главное, основное, «неопровержимое доказательство», которым постоянно оперировали следователи. Председатель следственной комиссии разразился отборной бранью, топал ногами, кричал на Ильку:

– Ты подвел органы госбезопасности! Провалил операцию! Тебя самого мы посадим за решетку! Убирайся отсюда!

Илька ушел. Председатель следственной комиссии раздавал растерявшимся подчиненным распоряжения:

– Позвоните в больницу, узнайте, был ли там Гаврилов? Пошлите туда нарочных, пусть проверят больничную документацию, опросят медицинский персонал, свидетелей! Срочно!! Немедленно!!!

Но всем было ясно, что всё это пустое дело. Было очевидно, что комсомолец говорил правду. Гнев председателя следственной комиссии обрушился и на отца:

– Почему на следствии ты не сказал, что 17 мая был в больнице?

Отец ответил:

– Меня об этом никто не спрашивал.

Разъяренный председатель следственной комиссии от злости

* Продолжение. Начало в № 6, 2016.

бегал по комнате из угла в угол. Арестованного поспешно увели в камеру.

На завтра отца доставили в суд. Судила «Тройка»: за столом сидели председатель следственной комиссии, секретарь райкома партии и прокурор Алексей Степанович Маврин. Тут же находились следователи, которые допрашивали его, сотрудники милиции, неизвестные ему люди, конвоиры.

Маврина отец хорошо знал. Когда бабушка-вдова жила одна с двумя дочерьми-подростками – Александрой и Анной, и в семье не было рабочих-мужчин, отец Маврина весной за определенную плату пахал ее земельный надел. Позже сам Алексей Степанович Маврин, тогда еще подросток, подрядился вспахать ее земельный надел, но вспахал плохо, халтурно, и бабушка всенародно ругала и стыдила его за недобросовестную работу. Потом Алексей Степанович где-то учился и теперь сидел за столом, решая судьбы людей.

Председательствовал почетный чекист. Он кратко зачитал вины отца, которому инкриминировались эксплуатация наемного труда, антисоветская и антиколхозная агитация, противодействие колхозному строительству. После этого он дал слово своим следователям, заявив, что они подробнее доложат о преступлениях подсудимого.

Первым выступил следователь-громил, сквернослов и матерщинник. Он заявил:

– Я тщательно проверил все обвинения, выдвинутые против Гаврилова, сам побывал в его деревне. Все обвинения, выставленные против него в справке, подготовленной сельсоветом и правлением колхоза, их полуграмотными руководителями под чью-то диктовку, оказались ложными. Следствие не нашло доказательств его принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку. Я предлагаю дело Гаврилова закрыть за отсутствием состава преступления, а его самого освободить из-под стражи.

Выступление следователя поразило отца. Он, наверное, меньше бы удивился, если бы в этот момент

разразился гром небесный, а молния разнесла всё здание судилища.

Второй следователь был краток:

– Я согласен с предложением коллеги. Данные об участии Гаврилова в контрреволюционном кружке не подтвердились. Смирный и тихий мужик. Отец большого семейства, пятеро малолетних детей. За что и зачем сажать его в тюрьму?

Доклады следователей возмутили председателя «Тройки». Он вскочил с места и размахивая руками стал кричать:

– Тихий и смирный мужик! Забыли, что творило кулачье, эти «смирные и тихие» мужики? В 1918 г. мой брат с продотрядом уехал в деревню, крестьяне, «смирные и тихие мужички», встретили их хлебом-солью, а затем напоили пьяными и ночью всех перебили. Нельзя терять революционную бдительность!

– Андрей Сергеевич! – обратился к нему первый следователь. – Если в 1918 г. у тебя убили брата, ты готов пол-России отправить в тюрьму. Я знакомился с делом об этом продотряде. Они собрали продразверстку и на радостях устроили пьянку. Перепились, стали гоняться за бабами и девками. Мужики собрались и их перебили. Они бесплатно забрали у крестьян хлеб, стали безобразничать, и вы хотели, чтобы крестьяне любили и миловали этих продотрядовцев? Нельзя много лет жить одной злобой и ненавистью!

Почетный чекист сник. Было понятно, что заседание суда пошло не так, как он рассчитывал и планировал. Он понимал, что обвинение Гаврилова в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку полностью и безнадежно провалилось, исправить тут что-либо было уже невозможно. Однако он был опытный, выдавший виды иезуит, и не хотел признать свой провал.

В его распоряжении были грозные документы – директива ОГПУ № 775 от 18 января 1930 г. о массовых выселениях кулацко-белогвардейского элемента и директива ОГПУ от 15 марта 1931 г. о про-

ведении с мая по сентябрь 1931 г. массовой операции по «полной очистке» местностей от кулацко-белогвардейского элемента. Кроме того, по рассматриваемому делу у него в запасе была сохранена, не обнаруживаемая до времени, мина, которую он в нужный момент приведет в действие.

Он приказал подсудимому:

– Гаврилов, выйди в коридор.

О том, что происходило на заседании «Тройки» в отсутствие отца, он узнал позднее, вернувшись из ссылки, от присутствовавших на заседании очевидцев.

Председатель «Тройки» произнес гневную речь:

– ПП ОГПУ поручило комиссии особенно тщательно подвергнуть массовой, полной очистке от кулацко-белогвардейского элемента местности, в которых в 1918 г. произошли антисоветские кулацко-белогвардейские восстания. Летом 1918 г. в Месягутово и Сикиязе кулаки подняли мятеж, который послужил сигналом к мятежам в соседних местностях. Разрослось большое восстание, которое подавить не удалось. При отступлении белых в Сибирь летом 1919 г. часть мятежников, безусловно, осталась в своей местности, замаскировалась и исподтишка вредила советской власти. Я готовил операцию по ликвидации Сикиязского нелегального кружка. Мы выявили и обезвредили кружок, но нет уверенности, что у него не остались корни.

Наша задача, задача коммунистов-большевиков, – как можно лучше выполнить директивы ОГПУ и приказ наркома, вычислить полностью, до основания, кулацко-белогвардейские элементы. Гаврилов – явный враг, контрреволюционно настроенный человек. Он не помог революционному следствию, водил нас за нос две недели, не подписал ни одного протокола, для разоблачения его нам пришлось засветить своего тайного агента, но и тут он сумел отвертеться.

Есть точные, достоверные сведения, что его отец Гаврилов Василий Дмитриевич был расстрелян красногвардейским отрядом в

1918 г. Подсудимый, несомненно, будет мстить за своего отца. Оставлять его на свободе нельзя. Я предлагаю выслать его с семьей в отдаленные районы вместе с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Почетный чекист убедительно показал, кто тут хозяин. Но он не смог переубедить несогласных. Непокладистый первый следователь спросил:

— У вас есть данные, какой красногвардейский отряд, когда, при каких обстоятельствах расстрелял отца Гаврилова, за что, какие ему предъявлялись обвинения?

— Таких данных у меня нет, — нехотя, скрепя сердце, ответил председатель «Тройки».

— Считаю, что сведения о расстреле отца Гаврилова неясные, недостаточные, — заявил непокладистый следователь. — Летом 1918 г. было немало красногвардейских отрядов, действовавших самостоятельно, занимавшихся самоснабжением, расстреливавших всех, кто в чем-либо противодействовал им. Порядок навели в 1919 г., когда сформировали регулярные части, со строгой дисциплиной, организованным снабжением. Перешедших на нашу сторону беляков и пленных сортировали, даже белых офицеров огульно не стали расстреливать, с каждым разбирались отдельно. Теперь мирное время, а мы без проверки фактов собираемся осуждать человека только за то, что его отец 13 лет назад, в гражданскую войну, кем-то и неизвестно за что был расстрелян.

Председатель «Тройки» был непоколебим и непреклонен:

— У нас нет времени, чтобы расследовать события 1918 г. Я убежден: Гаврилов — социально опасный элемент, он подлежит выселению в отдаленные районы. Алексей Петрович, ты препятствуешь работе нашей комиссии, мешаешь по революционному, на высоком уровне провести операцию. По возвращении в управление я поставлю вопрос о вынесении тебе партийного взыскания.

— А я поставлю вопрос об отплате тебе на пенсию, — париро-

вал на это его непокладистый следователь.

Председатель «Тройки» побелел, потом покраснел. Вмешался секретарь райкома партии:

— Товарищи чекисты, не надо препираться! Между собой разберетесь у себя дома. Надо решать судьбу подсудимого. Установлено: он не состоял в контрреволюционном кружке. Я смотрел акт о сдаче Гавриловым колхозного склада, ревизоры не обнаружили ни недостачи, ни излишков. По району уже почти десяток колхозных кладовщиков посадили в тюрьму за воровство и растраты, мы двух коммунистов за такие дела исключили из партии.

Председатель колхоза заверил меня, что ревизировать склад были посланы самые грамотные, самые принципиальные люди. А что это значит? Гаврилов — человек честный, добросовестный. Я не услышал против него никаких серьезных доводов. Я против ссылки Гаврилова и его семьи.

Председатель «Тройки» был непоколебим:

— Я настаиваю на ссылке Гаврилова.

Он обратился к прокурору:

— Алексей Степанович, а ты как считаешь, что делать с Гавриловым?

— Выселить надо, — сказал молчавший до тех пор прокурор. — Теща у него злобная. Ее надо повесить на первой осине.

Почетный чекист поморщился:

— Причем здесь теща? Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Гаврилова и его семью выселить из местности, прошу поднять руки. Я и прокурор — за, а секретарь райкома?

— Я против.

— По большинству голосов, — заключил почетный чекист, — проходит высказанное предложение. «Тройка» постановляет: Гаврилова с семьей как социально опасный элемент выселить в отдаленную местность.

Секретарь райкома заявил:

— Я против такого решения. Напишу особое мнение.

— Пишите. Это ничего не изменит, — сказал главный чекист.

Он не скрывал своего торжества и распорядился:

— Введите подсудимого.

Когда ввели Гаврилова, он объявил:

— Гаврилов Василий Васильевич, решением особой комиссии ты приговариваешься к ссылке с семьей в отдаленные местности. Приговор понятен?

— Понятен. Отпустите домой — подготовить семью к ссылке.

Председатель судебной «Тройки» удивился его наивности:

— Ишь чего захотел. Отпустите его, и он сбежит. Потом ищи ветра в поле. О семье позаботятся другие. Тебя отправят этапом на железнодорожную станцию в общей колонне, с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Неизвестно, написал ли секретарь райкома партии свое особое мнение, а если написал — неизвестно, сыграло ли в дальнейшем оно какое-либо значение в судьбе Гаврилова и его семьи.

Двенадцать сикиязцев, арестованные по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку и подписавшие признательные показания, были приговорены каждый к десяти годам заключения и навсегда исчезли из деревни. Парень из Сикияза, за воровство отбывавший в заключении в лагерях три года, рассказывал, что он встретил их на Беломорканале. Они были заняты на земляных работах, держались вместе. Дальнейшая их судьба неизвестна, в деревне никто из них больше не появлялся.

До сих пор достоверно неизвестно, существовал ли в Сикиязе подпольный контрреволюционный кружок, или он был искусственно создан фантазией и стараниями чекистов.

Комсомолец Илька исчез из деревни и больше никто о нем ничего не слышал. Может, он смылся, спасаясь от мести чекистов, затерялся на просторах необъятной Родины. Может, уехал куда-нибудь в город и предпочитал не поддерживать связь с земляками. Может, ОГПУ направило его работать на них в какой-нибудь новый район,

возможно даже сменив ему фамилию и имя. Его дальнейшая судьба осталась неизвестной.

ГЛАВА 6. ПРЕДКИ

*Поведаю теперь я свету...
Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой.*
А.С.Пушкин.
Руслан и Людмила.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*
А. С. Пушкин.
Два чувства дивно близки нам.

Для того, чтобы понять, когда и как в предгорьях Урала появился мятежный район, населенный людьми, «напитанными духом своеволия и неповиновения начальству», почему в этой местности в 1918 г. разразилось Сикиязско-Месягутовское антисоветское крестьянское восстание («Сикиязско-Месягутовская Вандея»), почему семья Гавриловых в 1931 г. оказалась в Сибири, необходимо вернуться на два с половиной столетия назад, в середину XVII в.

На окраине Великой Евро-Азиатской Степи, на ее северном выступе, в Приуралье, простиралась расположенная в долине реки Ай так называемая Месягутовская лесостепь. Заселение русскими этой отдаленной, глухой, непаханной местности, по которой столетиями передвигались десятки кочевых народов – от скифов и печенегов до башкир, – было во многом обязано церковным реформам 1653–1658 гг. «крепкостоятельного пастыря» православной веры патриарха Никона, его попыткам, поддержанным царем Алексеем Михайловичем и правительственными властями, унифицировать церковную службу, исправить богослужебные книги и церковные обряды по греческим образцам, централизовать церковную организацию, усилить власть патриарха.

Церковные реформы Никона встретили сопротивление у значительной части населения и части духовенства, «ревнителей древнего благочестия». Произошел раскол верующих на два противоположных

лагеря, защитники «старой веры» – староверы, получили название раскольников. Яростное и жестокое преследование неистовым патриархом Никоном, «яко зверь рыкающим», противников его реформ, вызвало волну массовых переселений на Север и в восточные районы страны населения, спасавшегося от религиозных преследований и феодально-крепостнического гнета.

В 1750 г. на вотчинных землях башкир Тарнаклинской волости Сибирской дороги по договору о припуске государственными крестьянами, переселенцами-раскольниками, были основаны в излучине реки Ай деревня Месягутово и в десяти верстах от нее, на небольшой речке Сикияз – деревня Сикияз. В 1788 г. на берегу озера переселенцами-раскольниками была основана деревня Озеро. По договору 1798 г. переселившиеся крестьяне купили землю у башкир-вотчинников и стали ее собственниками. Земля находилась в общинной собственности, распределялась по ревизским душам.

Дима Гаврилов (выделен) в пионерском лагере. 1938.

Деревня Сикияз располагалась по прямой линии вдоль дороги, шедшей на Месягутово. Деревня Озеро раскинулась полукругом возле озера, образуя дугу, обеими своими концами приближавшуюся к деревне Сикияз. Озеро, находившееся между Сикиязом и деревней Озеро, по неизвестным причинам, в давние времена высохло и превратилось в большое сухое и полусухое болото, заросшее кустарниками.

В описываемое время даже самые пожилые старожилы не помнили, когда это болото было озером, но деревня по-прежнему называлась Озером, хотя никакого озера при ней с незапамятных времен не было. Сикиязцы, пришедшие раньше, заняли и распахали обширную равнину с черноземными почвами. Озерские, зажатые между озером и высокими каменистыми холмами, окружавшими его, страдали от малоземелья.

Правительственные власти относились к раскольникам с недоверием как людям упрямым и неподатливым, подозрительным. В 1834–1835 гг. на Урале и в Западной Сибири произошли массовые волнения государственных крестьян, поводом для которых послужили ужесточение сбора недоимок, распоряжение властей о строительстве запасных хлебных магазинов. Распространились слухи о переводе государственных крестьян в удельное ведомство, о «продаже их помещику Медведеву», о насильственном крещении мусульман.

9 июля 1835 г. в Месягутово на мирской сходке было объявлено предписание о постройке за счет общества хлебных запасных магазинов. Собравшиеся заявили, что магазины строить не согласны, так как указ «не сам царь подписал», «общество продано помещику Медведеву», поэтому они решили «в удел не идти», а если приедет исправник, они встретят его «грудью шеренгою» и будут стоять один за другого. Прибывший в село земский исправник не смог уговорить крестьян прекратить волнения. 11 июля на площади в Месягутово собралась толпа около двух тысяч государственных русских крестьян, баш-

кир и тептярей из близлежащих деревень. Бунтовщики окружили квартиру исправника, вытащили из нее исправника и избили его, отобрали у него бумаги и вещи, а затем три дня держали его под арестом и обещали повесить.

Волнение было подавлено генерал-губернатором В.А.Перовским, прибывшим с войсками. Бунтовщики были подвергнуты экзекуции – массовой порке. Двенадцать крестьян, признанных предводителями волнений, «в ножных железзах» были отправлены в губернский тюремный замок, а после следствия и суда сосланы в Сибирь или отданы в солдаты.

После отмены в 1861 г. крепостного права местность оставалась чисто земледельческой. На Южном Урале стали осваиваться и распахиваться новые земли. В эти годы в этих местах появился Дмитрий Гаврилов, бывший крепостной крестьянин Тамбовской губернии, направившийся в Сибирь за поисками счастья и лучшей жизни. До Сибири он не добрался, а застрял в городе Кунгуре. Он был грамотным и расторопным, несколько лет служил приказчиком у какого-то купца, а скопив денег, решил заняться хлебопашеством и двинулся на юг, на плодородные приуральские земли. Здесь он зацепился в деревне Озеро, а вскоре и женился на местной девушке-сиротке, обзавелся домом и хозяйством.

Несмотря на то, что общество, ввиду малоземелья, не принимало «чужака» в свой состав, благодаря своему трудолюбию пришелец хорошо вел свое хозяйство, семья жила счастливо, у них родились двое детей – мальчик и девочка. Однако однажды ночью в дом проникли разбойники и зарезали хозяина и его жену. Малолетние дети – мальчик Вася и его сестренка, обомлевшие от страха, сидели на печи и видели жуткую расправу над их родителями. Но разбойники их не тронули. Они в поисках денег перерыли весь дом, но ничего не нашли.

Осиротевших детей взял себе на воспитание местный богатый крестьянин Евстигней Стругов. Он воспитал их как своих родных детей, а когда они повзрослели, вы-

дал девушку замуж, а Василия Дмитриевича женил и помог ему построить дом и обзавестись хозяйством. Василий Дмитриевич всю жизнь считал Евстигнея Стругова своим отцом и всегда относился к нему с большим уважением, по всем делам советовался с ним.

У Василия Дмитриевича появилась большая, трудолюбивая семья. Он женился три раза, от первой жены Агриппины остались четверо сыновей – Алексей, Николай, Василий, Петр и дочь Наталья, от второй жены Марии – дочь Прасковья, от третьей жены Евдокии – дочь Александра, сыновья Павел и Иван. Василий Дмитриевич три раза просил сельское общество принять его в свои члены, но каждый раз получал отказ. После третьего отказа, что соответствовало тогдашнему законодательству, решением земского начальника, вопреки мнения общества, он был зачислен в его члены и получил право на получение земельного надела. Но и после этого он в деревне считался «чужаком», неугодным, нежелательным лицом.

В пореформенный период земледелие в крае сделало успехи. На тучных черноземных почвах крестьяне получали с десятины по двести пудов хлеба, что было обычным явлением. Появились конные молотилки и веялки, позднее – жатки и сноповязалки. Развивалась торговля. Крестьяне излишки хлеба продавали на ярмарках или везли продавать на уральские заводы. В Сикиязе богатые или благополучные крестьяне обзавелись хорошими большими деревянными домами из толстого строевого леса с шестью-восемью окнами на улицу. В деревне Озеро, где население жило бедно, преобладали небольшие дома из более тонкого леса с четырьмя-пятью или даже только с тремя окнами на улицу.

Месягутово, находившееся на пересечении сухопутных и речных путей, разрослось в большое торговое село, чему во многом способствовал построенный в середине XIX в. большой каменный мост через реку Ай. В центре села появились большие каменные дома купцов, построены каменная церковь,

торговые лавки, проводились ярмарки. В 1907 г. в Месягутово было возведено большое красивое двухэтажное кирпичное здание женской прогимназии.

В 1912 г. Василий Дмитриевич женил своего сына Василия Васильевича на старшей дочери вдовы-одиночки Прасковьи Лазаревны Кузиковой (Лужковой) Александре Степановне. Василий Васильевич возглавил дом и хозяйство тещи и своей молодой жены, которое находилось в полном расстройстве и упадке. Дружная молодая семья энергично взялась за работу, приводя хозяйственные дела в порядок, у них родилось две дочери.

Спокойной, счастливой жизни помешали Первая мировая война и революция 1917 года. На «германской войне» погибли два старших брата Василия Васильевича, сам он в 1916 г. был мобилизован в армию и вернулся домой только в 1922 г. Его родная и сводные сестры были выданы замуж в другие деревни, подростки младшие сводные братья после революции разъехались по разным городам.

В начале 1917 г. в деревню пришла потрясающая весть: свергнут царь. Батюшка в церкви предал анафеме богохульников, посягнувших на помазанника божьего, священную особу государя императора, но через две недели объявил, что всякая власть от бога и призвал принимать присягу Временному правительству. Население было сбито с толку этими переменами.

Летом 1917 г. в Месягутово был создан Совет крестьянских депутатов, возглавлявшийся правыми эсерами. По деревням разъезжали ораторы, которые на митингах призывали довести войну до победного конца и сдавать деньги на помощь раненым и больным воинам. Но успеха они не имели. Население не хотело отзываться на эти горячие призывы, да и отзываться было некому: после многих мобилизаций деревня осталась без мужчин, дома оставались одни старики, женщины, дети и подростки. Хозяйства, оставшиеся без мужских рабочих рук, приходили в упадок.

ГЛАВА 7. СИКИЯЗСКО- МЕСЯГУТОВСКАЯ ВАНДЕЯ *

*Велик был и страшен год
по Рождестве Христовом 1918.*

М.А.Булгаков.
Белая гвардия.

*Нет большего бедствия,
чем гражданская война.*

Цицерон. Речи.

Поздней осенью 1917 г. пришли известия о новой революции в Петрограде. В деревне появились демобилизованные солдаты, многие из них, кроме шинелей и армейских котелков, захватили с собой винтовки. Они принесли весть о декретах о мире, о земле, об образовании рабоче-крестьянского правительства во главе с В.И. Лениным, взволновавшие страну до самых отдаленных и глухих уголков.

Состоятельные люди и Месягутовский Совет крестьянских депутатов, возглавляемый правым эсером Силоговым и секретарем Приваловой, выступили против установления Советской власти. Их активно поддерживали церковники, утверждавшие, что большевики отрицают религию и бога. Распространялись слухи, что большевики будут отбирать у людей всё имущество. Башкиры-собственники соседних волостей по призывам мулл не стали пускать русских крестьян за дровами, рубили у них дровни, сбрую, уводили лошадей.

23 декабря 1917 г. в Месягутово с помощью большевиков-фронтовиков была создана большевистская организация, в нее записалось 29 человек. В конце января 1918 г. большинство в волостном Совете заняли коммунисты-большевики. Правые эсеры во главе с Сиговым «с большой злобой и скандалом вынуждены были уйти от власти». Председателем Совета был избран большевик Игнатий Усов, ранее работавший столяром в Томске, член партии большевиков с 1905 г. В волости установилась Советская

власть. Провели обложение кулаков, у одного из кулаков реквизировали дом. Была создана красная гвардия из 20 человек, но только четверо из них были постоянными.

Проводились реквизиции хлеба. Однако попытки реквизировать хлеб в других волостях успеха не имели. Реквизиционный отряд, направившийся в северные волости, был изгнан из Дувана и Тастубы вооружившимися крестьянами, произошла их перестрелка с отрядом. Коммунисты Месягутово жаловались на отсутствие пропагандистской литературы. В селе создавалась организация левых эсеров, которая действовала в союзе с большевиками. Коммунисты вели борьбу за осуществление декрета о земле. Мирным путем через увещания удалось убедить башкир соседних волостей признать их вотчинные земли и леса национализированными и передать их в распоряжение земельных комитетов.

В Сикиязе создателями большевистской организации были учитель школы Дмитрий Маркович Араловец и его жена, заведывавшая земской библиотекой, Валентина Ивановна. Вся семья была революционной. Их старшие сыновья – Аркадий и Викторин, учились в уездном городе Златоусте: Аркадий – в техническом училище, Викторин только что окончил гимназию. Аркадий, член РСДРП(б) с 1915 г., был командиром красногвардейского отряда, первым в городе советским комиссаром почты и телеграфа. Викторин вступил в РСДРП(б) весной 1918 г., был членом земельной управы, членом Месягутовского волостного Совета и уездного исполкома. В Сикиязе была создана ячейка коммунистов-большевиков, в которую записалось 40 человек, 20 из них вошли в красногвардейский отряд, штаб которого помещался в школе. В штабе круглосуточно дежурила вооруженная охрана.

20 марта 1918 г. в селе Месягутово состоялся уездный съезд Со-

* Вандея – департамент во Франции, в котором во время Великой Французской революции конца XVIII в., в 1793–1795 гг., происходило крупное крестьянское контрреволюционное роялистское восстание, с трудом подавленное революционным правительством. Имя «Вандея» стало нарицательным для обозначения контрреволюционных крестьянских восстаний.

ветов крестьянских депутатов. Съезд принял решение о переходе всей власти к Советам. 30 марта – 1 апреля 1918 г. в Месягутово на совместном заседании двух Советов – уездного Совета крестьянских депутатов и уездного Совета рабочих и солдатских депутатов – произошло их слияние. Был избран Исполком объединенного Златоустовского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в который вошло 15 большевиков и 15 левых эсеров.

В Сикиязе средства для содержания штаба и вооруженного отряда добывались путем контрибуций и конфискации. За контрибуциями последовали конфискации, обыски и изъятие в пользу штаба вещей и продовольствия. Они затронули очень небольшую, наиболее зажиточную, но очень влиятельную в деревнях часть населения.

Население, издавна напитанное «духом своеволия», не могло сразу привыкнуть к новым, «революционным» методам управления. Крутые меры местных революционных властей пришлось не по нраву свободолюбивому населению. Реквизиции, контрибуции и конфискации не способствовали установлению добрых, мирных отношений новых властей с населением, особенно с его богатой верхушкой и духовенством. Они обострили классовую борьбу в деревне, накалили социальную обстановку.

Но контрреволюционные силы в стране были разрозненны, не объединены. Начавшийся в конце мая 1918 г. чехословацкий вооруженный мятеж послужил сигналом для открытого выступления против Советской власти всех контрреволюционных сил, получивших мощную материальную, политическую и военную поддержку иностранных держав и интервентов. Чехословацкий мятеж стал сигналом для развертывания в стране широкомасштабной гражданской войны.

Известия о чехословацком мятеже, захвате чехословаками вместе с белогвардейцами крупных городов, повсеместных антисоветских восстаниях активизировали контрреволюционные силы в Си-

киязе и Месягутово. Поводом для выступлений против Советской власти послужила объявленная мобилизация на чехословацкий фронт.

Вместо поддержки населением этого абсолютно не подготовленного слабыми и не авторитетными местными властями мероприятия, на собраниях, устроенных по поводу мобилизации, торговцы, кулаки и солдаты-фронтовики призывали к свержению Советской власти и разоружению коммунистов.

Первыми против Советской власти выступили контрреволюционеры в Сикиязе. В ночь на 13 июня 1918 г. толпа, вооруженная винтовками, охотничьими ружьями, револьверами, самодельными железными пиками, окружила сикиязский штаб. В 12 часов ночи один из повстанцев, подползший к штабу, бросил в окно бомбу, но она ударилась в оконную раму и отлетела обратно. Раздался взрыв, выбивший окна в школе и смертельно ранивший бомбометателя. Находившиеся в штабе коммунисты открыли огонь из винтовок по окружившим штаб повстанцам.

Перестрелка между оборонявшимися штаб коммунистами и окружившими его повстанцами продолжалась всю ночь. Вторая бомба, более удачно брошенная мятежниками, ранила трех человек. Засевшие за домами и за заборами повстанцы со всех сторон обстреливали штаб. Были убиты руководитель сикиязского боевого отряда Т.И.Брагин, комиссар отряда К.Ф.Осокин. Убедившись, что они окружены превосходящими силами, сикиязский коммунистический отряд решил отступить на Месягутово.

На рассвете, когда огонь повстанцев ослаб, они прорвали кольцо окружения и бросились бежать в Месягутово. Их отход прикрывали оставшиеся в штабе Дмитрий Маркович Араловец и красногвардеец-башкир Мурза, которые продолжали вести из штаба огонь по осаждавшим школу повстанцам. Оба они были убиты ворвавшимися в штаб мятежниками.

Разгромив сикиязский штаб и захватив там оружие, повстанцы

двинулись на Месягутово. Сформированный в Месягутово боевой коммунистический отряд был малочисленным и не мог оказать повстанцам сопротивления. Месягутовские и прибежавшие к ним сикиязские коммунисты забаррикадировались в двухэтажном каменном здании женской прогимназии, сообщив в уездный центр по телефону о начавшемся в Месягутово и Сикиязе кулацком мятеже.

Здание женской прогимназии было окружено и блокировано повстанцами. На предложение сложить оружие и сдаться коммунисты ответили отказом. Они надеялись на помощь, которая должна была прийти из уездного центра. Но в здании прогимназии не было запасов продовольствия, не было запасов воды, у них на исходе были патроны. Повстанцы, окружившие прогимназию, из-за окружавших домов и из-за заборов простреливали всю местность вокруг прогимназии, не позволяя осажденным выходить из нее и доставлять им продовольствие и воду.

Осада месягутовской прогимназии продолжалась четыре дня. На пятый день один из осажденных, по-видимому, свихнувшийся психически, открыл беспорядочную стрельбу и застрелил случайно находившуюся на улице восьмилетнюю девочку. Это убийство вызвало ярость повстанцев, и они бросились на штурм прогимназии. Осажденные не оказали какого-либо сопротивления. Все они, истощенные отсутствием пищи и воды, лежали в бессознательном или полубессознательном состоянии на полу.

Измученных, еле державшихся на ногах коммунистов выводили из прогимназии и зверски избивали, били прикладами, кололи штыками и пиками, увечили до неузнаваемости, а затем убивали. Около прогимназии была вырыта большая яма, в которую сбросили трупы замученных коммунистов. Очевидцы сообщали, что некоторые брошенные в ямы подавали признаки жизни, но и их засыпали землей вместе с убитыми. Были убиты председатель волостного Совета И.Усов, его брат Д.Усов, член уездного исполкома и земель-

ной коллегии Викторин Араловец, К.Усынин, Д.Комаров, М.Бочнев и другие большевики, беспартийные активисты.

В Месягутово и Сикиязе раз-вернулся беспощадный и беспредельный белый террор. Началась охота на коммунистов, их родственников, сочувствующих коммунистам и Советской власти, просто оклеветанных соседями. Шли жестокие расправы над ними, аресты и убийства. Состоятельные люди объявляли денежное вознаграждение тем, кто укажет на коммунистов. За коммунистами охотились, как за дикими зверями.

Арестованных заточали в душевые, залитые дегтем и керосином подвалы, не давали воды и пищи, выводили на допросы и пытки. Среди заключенных в подвалы были девушки-гимназистки, стоявшие на стороне Советской власти. По советским данным, в селах Месягутово и Сикияз за 12 дней было замучено около 300–400 человек. Мятеж перекинулся на соседние близкие и даже более дальние русские деревни – Дуван, Тастубу и другие, везде сопровождался зверскими убийствами коммунистов.

Златоустовским Советом на подавление Месягутовско-Сикиязского мятежа был послан снятый с фронта отряд с пулеметом и артиллерийским оружием. Он двинулся по тракту Златоуст–Месягутово. 23 июня отряд подошел к Месягутово. С высокого плоскогорья, подходившего к Месягутово, уже были видны излучина реки Ай, большое село с его церковью, мост через реку Ай.

Повстанцы в Месягутово знали о движении карательного отряда и подготовились к его встрече. Перед Месягутово тракт поднимается по очень крутой горе Дубовой, заросшей лиственным лесом. Обороной Месягутово руководил прапорщик Верзаков. Влево от тракта, параллельно ему, на Дубовой были отрыты в полный профиль и замаскированы окопы, которые при приближении красного отряда заняли повстанцы, имевшие огнестрельное оружие.

Подойдя к Месягутово, отряд выслал вперед конную разведку.

Всадники проскакали по тракту, не заметив укрывшуюся в окопах засаду, проехали через мост и углубились в село, не встретив сопротивления. Считая дорогу безопасной, основное ядро красного отряда, состоявшее из телег с пулеметом и пеших солдат с красными лентами на груди и фуражках, двинулось вперед и начало спускаться по горе вниз к селу Месягутово.

Когда отряд прошел уже большую часть горы, а его хвост с трехдюймовым оружием находился еще на вершине плоскогорья, недисциплинированные повстанцы, не дожидаясь условленного сигнала, открыли по колонне беспорядочный винтовочно-ружейный огонь. Не ожидавшие нападения красногвардейцы растерялись, стали прятаться за телегами, отряд остановился. Видя, что от их стрельбы многие красные падали убитыми и ранеными, одушевившиеся повстанцы вылезли из окопов и бросились в атаку. Первые их ряды достигли тракта и вступили в рукопашную схватку с красными, пытались захватить стоявший на телеге пулемет.

Но в этот момент счастье боевое изменило повстанцам. Артиллеристы, увидев с горы начавшееся сражение, открыли по повстанцам огонь. Первые два разорвавшиеся снаряда остановили атаку повстанцев, к тому же одним из них был убит руководивший повстанцами прапорщик Верзаков. Среди повстанцев началась паника, они толпой, многие побросав винтовки и ружья, бросились бежать к селу, одни пробегали по мосту, другие бросались в реку и переплывали ее. Бежав с Дубовой, повстанцы-боевики не задерживались в селе, а продолжали бежать дальше. Вступивший в Месягутово победителем сражения на Дубовой отряд красногвардейцев не нашел в нем мужчин. Все мужчины в возрасте от 16 до 50–60 лет, вместе с повстанцами, бежали из села.

Красный отряд, совершивший большой тяжелый переход и понесший потери убитыми и ранеными, не преследовал убежавших. Вступив в село, красные узнали,

что они опоздали – коммунисты, посаженные в прогимназии, на ручку которых они шли, уже погибли. Заточенные в подвалы в Месягутово и Сикиязе коммунисты, их родственники, сочувствующие коммунистам и Советской власти, в том числе девушки-гимназистки, избежавшие расправы, были освобождены. Были торжественно перезахоронены коммунисты – жертвы белого террора.

Красный отряд, занявший Месягутово, выполнил свою задачу, занял центр мятежного района, но сам оказался в тяжелом положении. Вся местность вокруг была охвачена мятежом, на подавление которого у него не было сил. Ввиду ухудшившегося положения на чехословацком фронте, часть отряда была отозвана обратно и ушла из Месягутово. Бежавшие из села повстанцы, хорошо знавшие местность и расположение отряда, ближайшей ночью вернулись в село и истребили весь отряд. Сдавшиеся в плен красногвардейцы, которым обещали сохранить жизнь, были расстреляны.

Несмотря на тяжелое положение самого Златоуста, с трех сторон окруженного чехами и белогвардейцами, уездный Совет, узнавший о гибели занявшего Месягутово красногвардейского отряда, не терял надежды подавить антисоветский крестьянский мятеж в уезде. В городе срочно стал формироваться новый красный отряд, в который, кроме заводских рабочих, вступило немало деклассированных и уголовных элементов. Среди них имелись уроженцы Месягутово, Сикияза и деревни Озеро, хорошо знавшие свою местность.

В большом секрете был разработан новый план подавления Месягутовско-Сикиязского мятежа. Учитывая неудачу похода первого отряда, второй отряд должен был двигаться не по тракту Златоуст–Месягутово, через охваченные мятежом местности, а параллельно ему по местности, население которой сочувственно относилось к Советской власти. Затем, перевалив через горную гряду, отряд должен был выйти в тыл мятежного райо-

на и неожиданным ударом захватить Месягутово, разгромить центр мятежников, подавить антисоветский мятеж в уезде, вернуть под власть Советов эту территорию.

Никто в отряде, кроме его руководителей, не знал о маршруте и конечной цели похода. Отряд погрузился в эшелон в Златоусте и для маскировки выехал от мятежного района в противоположном направлении – на запад. Доехав до станции Кропачёво, отряд выгрузился и, забрав у населения подводы, по проселочным дорогам двинулся на север. Пройдя около сотни километров, он резко повернул на восток, по труднопроходимой горнолесистой местности пересек горную гряду, вышел на равнину и занял деревню Аркаул.

Отряд оказался в тылу повстанческого района, в 25 верстах от Месягутово. Но люди и кони были измучены тяжелым походом, лошади избили ноги и не могли идти. Руководители отряда решили переменить лошадей, взять у населения новые подводы и нанести внезапный удар по Месягутово. Руководители отряда считали, что они уже вступили на территорию мятежников и пора начинать «зачистку» территории от контрреволюционеров.

Весть о том, что из Златоуста направляется картельный отряд, достигла Месягутово, Сикияз, деревню Озеро. Но о пути движения отряда никто ничего не знал. Население было в панике, предчувствуя суровую расправу. Большинство крестьян не одобряло контрреволюционеров, чинивших зверские расправы над коммунистами. Престарелый Евстигней Стругов, давно отошедший от дел, предложил Василию Дмитриевичу Гаврилову уехать к знакомому пасечнику в лес за Аркаулом и там переждать смутное время.

Василий Дмитриевич согласился и ночью, взяв в качестве кучера племянника, они выехали из деревни и на рассвете подъехали к Аркаулу. Из придорожной канавы поднялись трое вооруженных людей, которые перегородили им путь и стали спрашивать: кто они, куда и зачем едут? Евстигней Стругов

сказал, что едут на пасеку за медом, а на вопрос, что за подросток везет их, ответил, что это его работник, чем спас ему жизнь. (Через три дня он привезет домой трупы Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича).

Этот мирный разговор прервал один из преградивших дорогу, оказавшийся уроженцем этих мест. Он признал Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича и закричал:

– Это же богатеи из нашего села. В штаб их! В штаб!!

Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича высадили из тарантаса, повели в центр села на площадь, на которой уже гудела толпа народа.

Руководители красного отряда, занявшего Аркаул, объявили о проведении сельского схода. Когда на площади собралась большая толпа, они отделили от нее всех обутых в сапоги, к которым присоединили Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича Гаврилова. Остальная часть толпы была оттеснена в сторону, им было приказано расходиться по домам и ждать дальнейших распоряжений отряда.

Выделенных из толпы людей, обутых в сапоги – наглядное и убедительное доказательство принадлежности к буржуазии, – поставили у стены большого сарая, пулеметчик снял со стоявшего на телеге пулемета чехол. Последовала команда:

– По врагам революции, эксплуататорам трудового народа – огонь!

Затарахтел пулемет, пулеметная очередь резанула по стоявшим у стены сарая людям. Убитые падали на землю, раненые металась по сторонам, раздались дикие, отчаянные крики, но пулеметчик снова и снова поливал их свинцом, не жалея патронов. Через несколько минут всё было окончено. Перед сараем лежала куча из нескольких десятков убитых и раненых людей. Несколько палачей-добровольцев ходили между ними и из наганов достреливали раненых. Первая задача – очистка местности от кулаков-мироедов и богатеев – отрядом начала выполняться успешно.

С осуществлением второй задачи – взять подводы для продолжения похода, возникли трудности. Население не хотело отдавать лошадей. Не действовали ни угрозы, ни уговоры, ни посулы. Крестьяне ссылались на отсутствие лошадей, говорили, что они у них далеко в поле и т.п. Не помогали и угрозы расстрелов, немедленно приводившиеся в исполнение.

Двое верховых, подъехав к дому, стучали по воротам, вызывая хозяина. Не слезая с лошадей, именем революции они требовали от вышедшего за ворота крестьянина лошадей для отряда. Когда тот не соглашался дать лошадей, они снимали с плеча винтовки и разговор принимал более резкий характер. Когда и это не действовало, выслушав ругательства в свой адрес и твердый отказ дать лошадей, они расстреливали хозяина дома и ехали дальше. Плач, рыдания, крики, стоны и вой жены и родственников, сбежавшихся к убитому хозяину, должны были служить уроком другим несознательным и непокорным.

Несмотря на чрезвычайные меры, отряду только к вечеру удалось собрать необходимое количество лошадей для продолжения похода. Они не знали, что в это время, по тропам, известным только жителям деревни, минуя заставы, выставленные красным отрядом, ужаснувшиеся расстрелом всадники уже мчались в соседние деревни, предупреждая о приближении карателей и рассказывая о диких аркаульском расстреле. Весть о массовом расстреле крестьян красным отрядом в Аркауле мгновенно разнеслась по окрестным селам.

Ночью красный отряд выступил из Аркаула, чтобы нанести внезапный удар по Месягутово. На рассвете они проезжали через деревню Озеро. Мать, вышедшая доить корову, видела проезжавший отряд. Ехали они бесшумно, молча, никто не кричал, не говорил, не курил. На каждой телеге сидели по три человека с каждой стороны, на них не было ни красных лент, ни красных повязок, в руках они держали наготове винтовки, постав-

ленные между колен. Впереди отряда ехала группа вооруженных всадников.

Однако внезапного нападения на Месягутово не получилось. Когда отряд вступил в село, оказалось, что мужчин в возрасте от 16 до 50–60 лет в селе не было, все они скрылись до прихода карательного отряда. Командование отряда было в растерянности. Среди личного состава отряда, утомленного тяжелым походом, началось разложение. Красногвардейцы не повиновались командирам, ходили по домам, требовали от оставшихся в селе женщин продуктов и самогона, началось сплошное пьянство. Выставленные на ночь караулы были беспробудно пьяны.

Мужчины, скрывшиеся из села, ночью вернулись обратно, началось массовое убийство красногвардейцев. Всю ночь в селе то там, то тут велась стрельба. Командир отряда Габов, увидев, что отряд попал в засаду, застрелился. К утру весь красный карательный отряд был уничтожен, сдавшиеся в плен заключены в подвалы, а затем расстреляны.

По данным оперативного отдела Уральского окружного военного комиссариата и разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, в районе Красноуфимск – Нижние Серьги – Нязепетровск – Месягутово – Куса, в рядах повстанцев действовало в начале июля 1918 г. около пяти тысяч человек. 30 июня 1918 г. город Златоуст был оставлен красными войсками. Повстанцы соединились с наступавшими чехами и белогвардейцами, вся территория уезда оказалась под властью белогвардейских правительств.

Новые власти принимали энергичные меры для очищения района от «коммунистической заразы». Шел оголтелый белый террор. Действовали «демократические» суды, которые доставленных коммунистов, членов их семей, сочувствующих советской власти осуждали на большие сроки каторжных работ. Осужденных из Месягутово и других, близких и дальних деревень, отправляли по тракту на Златоуст.

Но никого из них дальше горы Дубовой не вели. Здесь их встречали каратели, возглавляемые братьями Павлом и Александром Першинными, и убивали.

Деревня Озеро не принимала участия в мятеже. Во время этих событий в ней в течение нескольких месяцев укрывалась и избежала расправы мать семьи революционеров Валентина Ивановна Араловец со своими детьми, которая затем была преправлена в Златоуст, где у нее имелись знакомые и находились две старшие дочери.

Начало 1919-го года прошло без больших потрясений. Летом 1919 г. началось повальное бегство белых. Однажды вечером по деревне Озеро рысью, не останавливаясь, промчались три телеги, нагруженные ящиками, вещами и людьми. На следующий день в полдень в деревню вступил отряд Красной Армии. Одна из телег, на которой ехали красноармейцы, одетые в зеленую защитную форму, в фуражках с красными звездами, остановилась у дома, возле которого стояла бабушка. Молодой красноармеец, прыгнул с телеги, взял канистру и с ней направился к бабушке, попросив у нее разрешение набрать колодезной воды.

Он стал спрашивать бабушку, не видела ли она вчера убежавших через деревню белых деятелей. Бабушка сказала, что видела три проезжавших подводы, возницы которых нахлестывали лошадей, на них сидели бородатые люди в шляпах, в очках и стеклах с веревочками, к груди они прижимали кожаные сумки. Красноармеец рассмеялся:

— Это портфели, пенсне. Удирали «демократические» правители. Далеко не уйдут. Мы их догоним.

Он взял канистру, вскочил на телегу и крикнул:

— Поехали. Ребята, запевай нашу, красноармейскую:

Вдаль идем, забыв тревогу,
Вдаль без остановки.
Расчищайте ж путь-дорогу,
Красные винтовки.

Мировая и гражданская войны обескровили деревню. Из мужчин, ушедших как с красными, так и с

Дима Гаврилов – ученик 7-го класса.
1940.

белыми, домой почти никто не вернулся.

Доканали деревню неурожай и страшный голод 1921 г. Есть было нечего, люди ели траву, свирепствовал тиф. Нечем было кормить скот, зимой ему скормили все соломенные крыши. У матери в голодный год умерли две малолетние дочери, до конца своих дней она вспоминала их со слезами на глазах. Отец, возвратившийся домой в 1922 г., застал в хозяйстве у семьи чудом сохранившуюся исхудавшую, еле стоящую на ногах лошаденку.

В возрожденной деревне без больших потрясений прошла коллективизация. В 1930 г. почти все односельчане сразу вступили в организовавшийся колхоз «Сельтель». Противодействия почти никакого не было. Кулаков в деревне найти оказалось трудным делом, были раскулачены только одна или две семьи, у которых отобрали дома, а проживавшие в них жители уехали куда-то. В 1931 г. «очистка местности от кулацко-белогвардейского элемента» деревню Озеро не обошла.

(Продолжение следует)

В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА*

Автобиографическая повесть

Дмитрий ГАВРИЛОВ

Доктор исторических наук,
профессор.
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
В 1951 окончил исторический
факультет Свердловского
государственного
педагогического института.
Преподавал в пединститутах
Шадринска, Липецка,
Ульяновска.
С 1981 г. — работает
в УНЦ АН СССР.
Главный научный сотрудник
Института истории
и археологии УрО РАН.
Лауреат премии
им. В.Н.Татищева
и В.И.Геннина,
премии УрО РАН
им. П.И.Рычкова.
г. Екатеринбург.

ГЛАВА 8. ЯЯ – КЕЛЬБЕС

*Ой ты горечь, злая мачеха Сибирь.
Необъятной степью разметалась вдоль и ширирь,
Неприметна, непривольна, нелюдна,
Неприглядна, неприятна, холодна.*

П.Шумахер.

Часовой на сторожевой вышке перегнулся через перила и напряженно всматривался в туман, в котором двигались неясные фигуры.

— Стой! Кто идет? Стрелять буду! — закричал он и передернул затвор винтовки.

Из тумана показались два нарушителя. Когда они подошли ближе, часовой схватил железку и стал бить ею по висевшему на вышке отрезку рельса.

На сигнал часового прибежал молодой красноармеец-разводящий с винтовкой в руках, которую он сразу закинул за спину, увидев нарушителей. Он стал их допрашивать: кто такие, откуда появились? Нарушители молчали. Вслед за разводящим прибежал пожилой мужчина с огромными усами — начальник караула.

— Что случилось? Откуда они взялись? — начал он спрашивать, указывая на нарушителей.

— Не знаю, — отвечал разводящий. — Молчат, как рыба. Сказали, что они из озера. А вокруг далеко нет никакого озера. Какая-то чертовщина!

— Ничего, они у меня сейчас говорят, — сказал начальник караула и начал расстегивать кобуру револьвера, висевшую у него на поясе.

Разводящий схватил его за руку:

— Что ты, Макарыч! Они же маленькие. Припугнуть хочешь?

— А у тебя есть дети? — спросил он разводящего.

— Откуда. Я же на действительной службе. До армии не успел жениться, завести семью.

— Вот то-то и оно. Учись.

Он достал из кобуры две небольшие конфетки в бумажках:

— Придется внукам сегодня остаться без сладкого.

Усатый присел на корточки перед нарушителями и сказал:

— Давайте знакомиться. Я дядя Миша, а вас как зовут?

Получив конфетки и увидев, что усатый дядя совсем не страшный, нарушители заговорили:

— Я Димка, а это Пашка, мы братья.

— Как вы сюда попали?

Ребята стали рассказывать:

— Мы проснулись: все спят. Давай посмотрим, куда нас привезли. Подошли к забору из колючей проволоки. Нашли в нем дыру, влезли в нее. (Начальник караула и разводящий переглянулись: «Надо доложить коменданту!»). Пошли дальше. Видим — деревянный забор, пошли возле него, дошли до этой вышки. Дядя, который на вышке, испугался, стал стучать в железо. Вы прибежали.

— Когда вы сюда приехали?

— Ночью. Мы тогда спали, из поезда нас сонных вынесли на руках, положили спать на телегу. Проснулись, надо посмотреть, куда нас привезли.

— Как называется деревня, в которой раньше вы жили?

— Деревня Озеро.

— Всё понятно, — сказал усатый дядя. — Никакой чертовщины. Они из эшелона, который пришел ночью. Эта партия у нас не задержится, сейчас ее будут отправлять дальше — на Кельбес. Надо поспешить.

Он сказал ребятам:

* Продолжение. Начало в № 6, 7, 2016.

– Пойдем искать ваших родителей. От меня не убегайте, а то потеряетесь. Здесь очень много народа, вас скоро не разыщешь.

Начальник караула взял ребят за руки, и они пошли с ним. На большом ровном поле располагалось множество палаток, в которых находились люди, ожидавшие пересылки в назначенные им места. Некоторые из них проснулись, разжигали возле палаток костры, очевидно для приготовления пищи. Туман рассеивался.

В дальнем углу, где находились спецпереселенцы эшелона, пришедшего ночью, стояли телеги, заваленные кучами вещей. На них и возле них стояли и сидели проснувшиеся люди, некоторые спали на телегах и на расстеленных на земле одеждах. Люди перекликались друг с другом, слышались крики и плач детей.

Увидев ребят, приведенных военным, мать удивилась и обрадовалась:

– Спали на телеге, смотрю – их нет. Куда делись, ума не приложу. Неугомонные, сладу с ними нет. Только проморгаешь, куда-нибудь убежат и что-нибудь натворят.

Отец был более спокоен, сказал, что пока они еще ничего не натворили. Он поблагодарил военного за привод детей и спросил, куда их привезли, где они находятся. Тот ответил:

– На станции Яя.

– Странное название, – сказал отец. – Что за лагерь, в который мы попали?

Начальник караула не считал это тайной:

– Станция названа по имени реки Яя, на которой она находится. У нас пересыльный лагерь, вашу партию сегодня отправят на реку Кельбес. Там создается новый рабочий поселок.

Он пожелал счастливого пути и посоветовал:

– Присматривайте лучше за ребятами. Хорошие они у вас, шустрые.

Но вот вещи уложены, в телеги запряжены лошади, и длинный обоз со спецпереселенцами двинулся в путь. Дети сидели на телегах, взрослые шли пешком. Мино-

вали лесозавод со штабелями теса и бревен и углубились в лес. Это был смешанный лес – березы, осины, но уже скоро они сменились хвойным лесом – сосной, елями, пихтой и кедрами. Чем дальше, лес становился всё гуще и гуще. Дорога шла по старой заросшей травой колее, по которой, видимо, давно никто не ездил.

По мере продвижения дорога оказывалась всё более заросшей травой и менее заметной, пока обоз не оказался в темном лесу, где над дорогой нависали ветви деревьев, через которые еле просвечивало солнце. Стало сумрачно, дорогу было уже плохо видно, она угадывалась только по просветам между деревьями и еле заметным мелким признакам. Обоз всё более и более углублялся в таежную тайгу, в ее дебри.

Под деревьями становилось всё меньше света. Дорога шла через старовозрастные перестойные хвойные леса. Хвойная чаща перемежалась с большими участками леса с поваленными ветровалом и буреломом деревьями. По сторонам дороги лежали вывороченные с корнями из земли большие деревья, покрытые мхом и лишайниками. Всё чаще и чаще дорогу преграждали упавшие деревья, которые едущим впереди всадникам с винтовками и гражданским мужчинам приходилось убирать, чтобы проехать дальше.

После небольшого привала обоз двинулся дальше. Дорога становилась всё хуже и хуже, она была завалена сгнившими деревьями, покрыта ямами, рытвинами, ухабами и колдобинами. Телеги застревали, их приходилось поднимать и вытаскивать из ям, толкать вперед.

Начало смеркаться. Маленьких детей, которые ехали на телегах, привязали к телегам веревками, чтобы они не упали с них при перетаскивании телег через упавшие деревья и колдобины. Дети утомились и, несмотря на тряску, крики и ругань окружающих, быстро уснули.

К месту назначения обоз подошел поздно вечером, когда было уже темно. На берегу реки Кельбес стоял большой деревянный барак,

Отец и мать – Василий Васильевич и Александра Степановна Гавриловы.

в котором когда-то жили золото-старатели. Теперь он пустовал, и в нем стали расселять привезенных спецпереселенцев. Семьи с детьми селили в бараке, всем остальным велели делать для себя шалаши и балаганы, кто что сможет, благо кругом был густой лес. Барак имел двухэтажные нары, был разделен перегородками на отдельные секции. Семье Гавриловых, как многодетной, выделили отдельный закуток шириной в два и длиной в два с половиной метра. Здесь они и разместились со своими пожитками, все восемь человек.

Утром последовало распределение на работы. Мужчинам было объявлено, что они должны построить каждый для себя и своей семьи дом. Для нового поселка, строительства домов спецпереселенцами, отводился заросший густым лесом высокий берег поймы реки Кельбес, не заливавшийся водой во время весеннего половодья. Спецпереселенцы должны были сами рубить деревья, вытесывать бревна и строить себе дома.

Все строительные материалы они должны были добывать самостоятельно, ими их должна была снабдить сама тайга – лес, окружавший планируемый поселок. Инструментами – топорами, пилами, рубанками и т. п., снабдили власти. Семьи, в которых было много взрослых рабо-

Отец Василий Васильевич Гаврилов.

тоспособных мужчин, действительно смогли построить большие, хорошие дома. Мать, как имевшую малолетних детей, оставили при бараке, поручив ей обслуживание печей, в которых кипятили воду. Бабушка, имевшая пенсионный возраст, на работы не назначалась.

Среди прибывшей в Кельбес партии спецпереселенцев выделялась молодая пара – муж и жена, Иван и Наталья, – оказавшиеся вскоре тесно связанными с семьей Гавриловых. Наталья, молодая, высокая, стройная, очень красивая женщина, была дочерью богатого крестьянина-торговца, умершего накануне Первой мировой войны. При «очистке местности от белогвардейско-кулацкого элемента» ее одной из первых наметили к ссылке.

Иван, высокой, стройный, красивый парень, был комсомольцем, происходил из бедняцкой семьи, отслужил в Красной Армии и ни по какой статье не подлежал ссылке. Единственный его грех – женитьба на Наталье, которая предпочла его десятку деревенских женихов. Иван оббил пороги всем местным властям, чтобы избавить жену от ссылки, но ничего сделать не смог. Тогда он изъявил желание поехать в ссылку с женой и, таким образом, оказался в партии спецпереселенцев, попавших в Кельбес.

Задание построить для себя дома поставила в трудное положение

семью Гавриловых. Трудоспособный в семье был только один отец, его старшему сыну Алексею, на помощь которого можно было в какой-то мере рассчитывать, было 14 лет. После собрания, распределившего работы, к отцу подошел Иван и, отведя его в сторону, предложил ему строить дом вместе, один на две семьи.

– Вам с Алешкой, – сказал Иван, – одним будет трудно построить дом. Мы с Натальей будем помогать, дело пойдет скорее. Долго здесь мы жить не будем, только до весны. Весной сбежим, а дом останется вашей семье.

Отец не мог отказаться от этого великодушного, щедрого предложения.

Деятельная бабушка, оказавшаяся без дела, не сидела сложа руки. Она, раздобыв где-то небольшое ведерко, отошла недалеко от барака и принесла его полным ягод – черной смородины и малины.

– Ягод тьма, – сообщила она детям. – Никто их здесь не берет. В хорошее место мы попали. Проживем на ягодах. Вкусные ягоды, но ешьте только с хлебом, прикусывайте понемножку, не то заболят животики.

С тех пор бабушка, иногда с помощью внуков, чаще – всего старшей внучки Марии, которой было 9 лет, стала постоянно снабжать семью ягодами малины, смородины, черемухи, стала приносить другие дары леса – грибы, черемшу, кедровые орехи. К скудному казенному пайку это была существенная, полезная прибавка. Алексей сделал из ивняка ловушки-морды, которые ставил в реке, в них попадала рыба, иногда довольно крупная. В сделанную им из проволоки петлю, поставленную на заячьей тропе, попал заяц, которого зажарили, устроив сытный обед.

Спецпереселенцам в Кельбесе надо было как можно скорее, до наступления сибирской зимы, построить дома для своего проживания. Наступила осень, по ночам становилось всё холоднее и холоднее. Обитавшим в шалашах и балаганах, сооруженных из тонких жердей и веток, было с каждым днем всё труднее переносить ноч-

ные заморозки. Поселенным в бараке, жившим в страшной тесноте, тоже не терпелось скорее обзавестись более удобным и теплым жильем.

Рано утром, наскоро позавтракав, все трудоспособные, мужчины и женщины, поднимались на гору, где велось строительство поселка. Там они рубили деревья, ошкуривали, вытесывали бревна, пилили и строгали доски, собирали мох для прокладок между бревнами, укладывали срубы. Сами мастерили двери, косяки, рамы. Вместе со всеми каждое утро на постройку дома уходили отец с Алексеем и Иван с Натальей. Одновременно с жилыми домами в поселке строились школа, клуб, контора.

Вечером, когда все возвращались с работы, перед бараком разжигался большой костер, благо недостатка хвороста для костра не было – достаточно было отойти сотню метров, чтобы набрать охапку сушняка. Бедствием для людей, ранее не живших в тайге, были тучи комаров и мошек, от которых можно было спастись только у костра. Поэтому возле костра всегда собиралось много людей, завязывались разговоры, споры, перераставшие в настоящие дискуссии.

Предметом споров и дискуссий всегда был один вопрос – о колхозах. Дискуссии были очень оживленными, жаркими, откровенными и демократичными. Таких смелых дискуссий Дима, став взрослым, нигде и никогда больше не слышал, хотя много раз присутствовал и сам участвовал в разных деловых и научных дискуссиях.

Люди выплескивали свое самое наболевшее, открыто высказывали свои мнения, иногда – очень резкие, антисоветские, противоправительственные. Кого бояться: «Дальше Сибири не сошлют!»

Спорщики быстро делились на две противоположные группы, почти равные по численности. Одни видели в колхозах основное зло, причину их ссылки и всех перенесенных ими тягот и лишений. В колхозах, по их утверждениям, сообрались лентяи, пьяницы, бесхо-

зяйственные люди, не желавшие и не умевшие работать. В деревне не любят богатых крестьян – кулаков, а это наиболее трудолюбивые, бережливые и хозяйственные крестьяне.

– Правительство всегда поддерживает бедняков, использует колхозы для ограбления крестьянства, выкачивая из деревни хлеб, деньги, рабочую силу. В плохой работе колхозов лживо винят «скрытых врагов колхозного строя» – затаившихся кулаков, подкулачников, бывших белогвардейцев – людей, ранее служивших в белой армии.

Среди спецпереселенцев было много злых, озлобленных, ожесточившихся людей. Ходили слухи, что некий бывший унтер-офицер, каким-то нелегальным путем, получил письмо из дома, в котором ему писали, что его брат, ушедший с белыми в Китай, живет там очень хорошо и приглашает его приехать к нему. Он агитировал других ссыльных бежать вместе с ним в Китай, благо граница близко, охраняется плохо и перейти ее не составит труда.

На этих диспутах другие ссыльные (такие же пострадавшие!), возражая оппонентам, считали, что колхозы ни при чем, они созданы были правильно, сколько можноковыряться в одиночку на единоличных полосках, когда появились трактора и машины. Люди раньше всегда жили общинами, работать коллективно лучше и веселее, в колхозах беспорядок и неразбериха из-за плохой обработки полей, незнающих и нечестных руководителей.

– Колхозники будут лучше обрабатывать землю, будут получать хорошие урожаи, трудодень станет весомым. Государство укрепит, будет меньше брать с колхозов. В деревнях много излишнего народа, а люди нужны для работы на строившихся заводах.

В этих спорах всегда принимала активное участие Наталья, пользовавшаяся у всех авторитетом и уважением. Она говорила, что дело не в колхозах, а в самих людях, не готовых к таким переменам.

– Работали с песнями, – говорила Наталья. – Едем с поля, уставшие, а запеваем песню, поем до самого дома. На сенокосе – поем, на жатве – тоже без песни не обходилось. Весело, с песнями жили. А трудностей и до колхозов было много.

Иногда вечером к отцу приходил знакомый по эшелону Степан. Его беспокоил один вопрос, который он неизменно задавал отцу;

– Получится ли что-либо у большевиков с колхозами?

Отец ему разъяснял:

– Почему не получится? Получится, но не сразу и не скоро. Время мелких единоличных хозяйств прошло. Создадут крупные кооперативные хозяйства, оснастят их техникой, снабдят специалистами. Строятся тракторные и комбайновые заводы. Открываются школы механизаторов, институты.

– В деревне будет много тракторов, комбайнов, разных машин. В колхозах появятся свои агрономы, ветеринары, инженеры. Колхозами будут руководить квалифицированные специалисты. Жизнь в деревне пойдет по-новому.

Степан соглашался с размышлениями отца, но, по-видимому, считал их фантастическими, уходил, покачивая в сомнении головой. Через некоторое время он снова приходил к отцу и опять, вновь задавал тот же самый мучивший его вопрос.

Душой стихийных собраний у костра была Наталья. У нее был прекрасный, звонкий, с красивым тембром, голос. Под аплодисменты собравшихся она постоянно пела старинные народные и советские песни. Публика с восхищением слушала ее душевные, лирические песни:

Позарастили стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позарастили мохом, травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою.
Птички-певуньи, правду скажите,
Весть про милого вы принесите.
Где ж милый скрылся, где пропадет?
Бедное сердце плачет, страдает.

Особенный успех приходился на ее шуточную песню с часто повторявшимся куплетом:

Я на горку шла, тяжело несла...
Уморилась, уморилась, уморилась!
Тяжело несла в решете овса...
Уморилась, уморилась, уморилась!
В решете овса, полтора зерна...
Уморилась, уморилась, уморилась!

Эта песня неизменно вызывала восторг у слушателей, каждый день утром поднимавшихся в гору, к строившемуся поселку.

Пела она и песни про новую деревню, одобрявшие колхозную жизнь:

На деревне нашей, возле сельсовета,
Собрались девчата пострадать.
Где ты, милый, где ты?
Ведь кругом такая благодать.
На деревне нашей песня звонко льется,
Наполняет улицу рекой.
Там, где песня льется, хорошо живется,
И работать и любить легко.

Некоторые ее песни о колхозной жизни, встречая одобрение одних, вызывали резкие протесты других. Когда Наталья запевала:

Расцветай земля колхозная.
Нам в колхозе лучше жить,
Если честно дело делать,
Если труд свой полюбить...

В публике начинался ропот, раздавались возмущенные голоса.

Иван на собраниях у костра сидел молча, любовался красотой и певческими талантами своей жены, и никогда не принимал участия в спорах. Однажды кто-то сказал, что он тоже хорошо поет. Все стали просить Ивана что-нибудь спеть, но он решительно отказывался до тех пор, пока к ним не присоединилась Наталья, которая попросила его спеть. Тогда он согласился, сказал:

– Можно, я спою «Чубчик»?

Он встал во весь рост, потрянул головой, и запел:

Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Разве можно чубчик не любить?
Раньше девки чубчик так любили
И теперь не могут позабыть.
Бывало, шапку наденешь на затылок,
Пойдешь гулять ты днем или вечером –
Из-под шапки чубчик так и вьется,

Так и вьется, вьется по ветру.
...Пройдет зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут,
А мне, бедному мальчонке,
Цепями ручки, ножки закуют.
Но я Сибири, Сибири не боюсь,
Сибирь ведь тоже русская земля.
Вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Развевайся, весел будь, как я.

Где, когда Иван узнал и разучил эту песню – неизвестно. Дима запомнил ее слова, но четверть века нигде ее не слышал. Летом 1945 г., проходя по расположению воинской части, в которой служил, он встретил веселого, подвыпившего младшего лейтенанта, распевавшего эту песню. К его гимнастерке был привинчен орден Красной Звезды, свидетельствующий, что парень неплохо воевал. Дима остановил его и спросил, откуда он знает эту песню?

– С трофейной пластинки. Поет белоэмигрант Петр Леценко. Хорошая песня, веселая, бодрая.

– А вы не из Сибири?

– Нет, я калужский.

Он пошел дальше, напевая: «Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый...»

Песня, спетая Иваном, легкомысленная, бесшабашная, удалая, залихватская, до глубины души тронула, потрясла слушателей, но произвела на них не то впечатление, которое можно было ожидать, а прямо противоположное. Слова песни про Сибирь, что она «тоже русская земля», что «я Сибири не боюсь», неожиданно произвели на них сильнейший эффект, взволновали их самочувствие, всколыхнули их психическое состояние.

Песня напомнила, обнажила безнадежность их положения, перевернула их душу, навела на всех подавленное настроение, вызвала физическую боль. Все женщины заплакали навзрыд, у мужчин на глазах появились слезы. Слушатели этой необычной аудитории, наверное, впервые, осознали, что навечно останутся в холодной, негостеприимной, чуждой им Сибири.

ГЛАВА 9. КЕЛЬБЕС

*Горсточку русских сослали
В страшную глушь...
Год незаметно прошел...
Глянь – уж деревня стоит.
...Воля и труд человека
Дивные дивы творят!*

Н.А.Некрасов.
Дедушка.

Приближалась зима, похолодало, по утрам начались сибирские ранние заморозки. Люди торопились с постройкой домов. Поселившиеся в шалашах и в тесном бараке семьи одна за другой, по мере завершения своихстроек, уходили жить в построенные дома. Лагерь у барака на берегу Кельбеса стал пустеть. Наступила очередь переселяться семье Гавриловых и Ивану с Натальей. Захватив с собой пожитки, которые еще не успели перенести взрослые в новое жилище, вся семья, держа в руках каждый что-нибудь, двинулась в гору к построенному дому.

Он оказался самым крайним в только что построенном большом поселке, протянувшемся вдоль высокого крутого берега реки. Дом представлял односрубную четырехстенную деревянную избу с двухскатной крышей, не имевшую ни прируба, ни сеней. Вход в нее шел непосредственно с улицы. У дома не было каких-либо хозяйственных пристроек или навесов, заборов и ворот, присущих крестьянским дворам. Он стоял одиноко и сиротливо на расчищенном от леса участке. Возле дома лежали несколько ошкуренных и неошкуренных бревен, какие-то доски, щепы и мусор.

Но в доме уже можно было жить. От дома открывался великолепный живописный вид на реку Кельбес и его долину.

В 1930–1931 гг., по данным ОГПУ НКВД, из мест проживания было выселено в отдаленные районы страны, в том числе в Сибирь, 381 026 крестьянских семей с 1 803 392 чел. Политик, журналист, правозащитник В.В.Борщев, выступая по телевидению, заявил, что в период коллективизации в Сибирь было сослано 3 млн чел. и все они там умерли от голода. Но это не соответствует действительности. Поголовная смерть от голода всех выселенных в Сибирь – примитивная ложь, пропагандистское клише.

Великий демократ и правдолюбец А.И.Солженицын утверждал, что «поток с добрую Обь», «протолкнул в тундру и в тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и более)». Учитывая, что из отправленных в ссылку средняя семья насчитывала 4,7 чел., цифру сосланных крестьян, названную Солженицыным, следует увеличить до 60–75 млн чел. Это не просто неимоверное преувеличение, это – бред, которым в «Архипелаге ГУЛАГ», за который он получил Нобелевскую премию, Солженицын потрясал весь мир, поражая всех жестокостью большевиков, вызывая негодование, дрожь и страх перед СССР.

По данным ОГПУ НКВД, за 9 предвоенных лет (1932–1940), в Западно-Сибирском крае умерло (в том числе и естественной смертью по старости) 389 521 чел., в среднем в год – по 43 280 чел. (2,4% от общего числа сосланных). Большинство сосланных в Кельбес остались там жить навсегда, стали сибиряками.

У дома имелось одно небольшое окно размером 30 на 40 сантиметров, слабо пропускавшее свет, поэтому даже днем в нем было темно. Причина такой скудности – не было стекла, и достать его где-либо оказалось совершенно невозможно. Мебель составляли деревянная кровать, сколоченная отцом, стоявшая у одной из стен, на которой стали спать отец с матерью, широкая лавка, на которой стала спать бабушка, и деревянный стол, находившийся посреди избы.

Иван сколотил для себя и Натальи свою деревянную кровать, но она имела только две ножки у одной стороны. Другую сторону кровати он прикрепил прямо к стене, выдолбив в ней небольшие углубления. Свое изобретение он объяснил так: «Займет меньше места. Проживем здесь только до весны». Все дети стали спать на полу, на котором расстилали большую войлочную кошму, отвоеванную бабушкой у комиссии, описывавшей у семьи имущество.

Посредине избы стояла железная печь-«буржуйка», которая отапливала дом, на ней же готовилась пища. Рядом находилось приспособление для сжигания лучины, по вечерам и ночью освещавшей жилище. Надвигалась зима, выпал снег, для поддержания в доме тепла печку пришлось топить почти непрерывно, благо проблем с топливом не существовало. Бревна, из которых был сложен дом, были сырыми, с потолка капала вода, стены были мокрые. Сначала потолок высох над печью, потом потихоньку дом стал просыхать и в других местах.

По утрам отец с матерью, Алексей, Иван с Натальей уходили на

работу, Мария и Павел уходили в открывшуюся в поселке школу: Павел – в первый, Мария – во второй класс. Дома оставались бабушка с Димой и Еленой. Маленькая Елена постоянно вертелась возле бабушки, «помогая» ей в чем-нибудь, или тормозила Диму, прося его в чем-либо помочь ей.

Дни становились всё короче и короче, ночи – всё длиннее и длиннее. Вернувшиеся взрослые с работы и старшие брат и сестра из школы, а также остававшиеся дома с бабушкой малыши, поужинав, вынуждены были рано укладываться спать, погасив дымящуюся и чадающую лучину. Ни электричества, ни радио, ни телевизоров и прочей современной техники и средств информации и развлечений у них, естественно, не было. Так как спать еще никому не хотелось, Алексей, окончивший пять классов ШКМ и прочитавший много книг из школьной библиотеки, обладавший прекрасной памятью, по просьбе младших братьев и сестер стал шепотом рассказывать им содержание книги Даниеля Дефо «Робинзон Крузо».

Его рассказами о кораблекрушении, жизни Робинзона на необитаемом острове, строительстве им дома, разведении коз, устройстве различных приспособлений, встрече с Пятницей и т.п., заинтересовались взрослые. Тогда Алексей, по их просьбе, уже не шепотом, а громко вслух, для всех, стал рассказывать содержание книги. Вечерние рассказы Алексея, занимательные и содержательные, стали традицией, позволявшей коротать долгие зимние вечера.

Алексей рассказывал до тех пор, пока не начинал раздаваться чей-нибудь громкий храп. Тогда он прекращал рассказ и с этого места продолжал его на следующий вечер. Дима, еще не умеющий читать, на всю жизнь понял, как важно не только читать книги, но и запомнить и уметь при необходимости пересказать как можно точнее их содержание, использовать в жизни полученные из книг знания.

У дома не было ни прируба, ни сеней, вход в него шел непосредственно с улицы. Когда кто-нибудь

Бабушка и мать – Прасковья Лазаревна Кузнецова (Лужкова) и Александра Степановна Гаврилова.

открывал входную дверь, в дом вместе с ним врывался поток холодного воздуха, Поэтому, чтобы не выстужать избу, вошедшие стремились как можно скорее закрыть входную дверь. Маленькая Елена, всегда веселая, бойкая, энергичная, активная, когда кто-нибудь из домашних приходил с работы, только открывал дверь и входил в дом, она радостно, с ликованием бросалась к нему.

В тот несчастный, злополучный день Наталья с двумя соседками по какой-то причине раньше времени вернулась с работы. Они при входе в дом дольше обычного держали входную дверь открытой. Маленькая Елена, одетая в легкое летнее платье, по обыкновению, с радостным криком бросилась к Наталье, которая очень любила и всячески ласкала малышку. В это время входная дверь снова открылась и в дом ввалилась новая партия женщин, работавших вместе с Натальей. Входная дверь всё это время находилась открытой. Бабушка бросилась в эту толпу, выхватила из нее Елену и утащила ее вглубь избы, но за это время Елена успела сильно простудиться.

Вечером у Елены поднялась температура, она кашляла, отказалась есть, только пила теплый чай. Утром ей стало хуже, пришедшая девушка-фельдшер долго прослу-

шивала Елену и сказала, что у нее пневмония – двухстороннее воспаление легких, болезнь очень опасная. Она оставила матери таблетки и капли, рассказала, как и когда их принимать, и сказала:

– Давайте ей вовремя оставленные мною лекарства. Посмотрим, что получится. Если они помогут, кризис минует, она выздоровеет. Везти ее в больницу бесполезно: очень далеко, транспорта нет, да и бессмысленно – справиться с двухсторонним воспалением легких врачи не смогут – не умеют, у них нет лекарств, которые могли бы вылечить. Если кризис не пройдет, спасти девочку никто уже не сможет.

Весь день мать, бабушка и Дима не отходили от постели больной. Она плакала, металась в бреду, засыпала, а проснувшись, снова начинала плакать и бредить. Кризис не проходил, ей лучше не становилось. Всю ночь мать сидела возле Елены, та по-прежнему металась в жару, плакала, а к утру затихла. Мать сказала, что она умерла. Узнав об этом, бабушка и Дима горько заплакали. Вся семья, а также Наталья с Иваном, тяжело переживали постигшее дом горе.

Отец куда-то ушел и вернулся, неся подмышкой какой-то небольшой деревянный ящик. Это оказался гробик для умершей. Дима впер-

вые заметил, что сестренка такая маленькая. Гробик поставили на стол посреди избы, мать и бабушка переодели умершую Елену и положили ее в гроб, Мария и Павел принесли сосновых веток и украсили ими гроб. Бабушка стала читать над гробом молитву, Дима стоял возле нее и безутешно плакал, слезы у него лились ручьем, застилая свет. Вечером вся семья ушла на кладбище хоронить Елену. На улице был большой мороз, Диму, у которого не было теплой одежды, на кладбище не повели, его, заплаканного, оставили дома одного.

Дом осиротел. Не стало колокольчика, который оживлял их жилище. Днем, когда взрослые уходили на работу или по своим делам, а старшие сестра и брат – в школу, дома теперь оставались только бабушка и Дима. Он еще больше привязался к бабушке. Та, в свою очередь, всю свою доброту и заботу стала обращать на младшего внука. Бабушка, помогая матери вести домашнее хозяйство, повседневно, незаметно воспитывала внуков, которых поровну любила всех, не выделяя кого-либо из них своим вниманием.

Бабушка всех внуков вынянчила с пеленок (а позднее вынянчила с пеленок и всех правнуков), хорошо знала характер, склонности, интересы каждого. Она была выдающимся педагогом. Не имея никакого образования (нигде не училась, никогда не ходила в школу), благодаря своей природной доброте, крестьянской смекалистости, любви к детям, отзывчатости, она умело, ласково, ненавязчиво направляла их детскую активность на полезные дела.

Все дети в семье очень любили бабушку, по деревенской традиции называли ее «старой мамой». В большой, дружной семье она действительно была для них чуткой и внимательной второй мамой. По мнению Димы, всех детей следовало бы разделить на две категории: воспитанных с участием доброжелательных к ним бабушек и воспитывавшихся без бабушек. Жизнь часто, на многочисленных примерах, подтверждает благотворность, полезность и эффективность «бабушкиного» воспитания.

Зимой всех мужчин и подростков, в числе последних был и 15-летний Алексей, отправили в лес на лесоповал. Они рубили огромные сосны, ели, пихты, кедры, очищали их от вершин и сучьев, распиливали на бревна. Работа была тяжелой и опасной. Никто из спецпереселенцев ранее не работал на лесозаготовках. В лесу был метровый снег, прежде чем пилить дерево, нужно было разгрести около него снег.

Спиленные деревья падали не всегда туда, куда должны были падать по расчетам лесорубов. Было много несчастных случаев, когда деревья падали на людей, наносили им увечья, переломы костей и раны. Готовые бревна по ледяной дороге лошадьми везли к реке, на берегу Кельбеса их складывали штабелями и готовили к весеннему сплаву.

На работах никакой вооруженной охраны ссыльных, конвоиров с собаками, не было, как это обычно показывается в кинофильмах. Работники комендатуры и служащие относились к ссыльным корректно, чего нельзя сказать о вольнонаемных рабочих, работавших на этих же работах вместе с ссыльными. Они считали себя привилегированным сословием, считали вправе, увидев у ссыльного хорошо наточенные пилу или топор, на сплаве – хорошо ошлифованный багор, отнять их у ссыльного, сунув ему взамен свои затупленные пилу или топор, или плохо выструганный багор. Ссылный был бессилён защитить себя, администрация в таких случаях всегда стояла на стороне вольнонаемных рабочих.

Для женщин-ссыльных постоянной работы не было. Пайки, выдававшиеся на рабочих и иждивенцев, были очень скудные, прожить на них было трудно. Мать со знакомыми женщинами время от времени ходили пешком на Барзас и в Анжерку, где были шахты, на которых под землей, на очень опасных работах, работали шахтеры, получавшие большую зарплату. Там они продавали высушенные ягоды, грибы, кедровые орехи, покупали или выменивали на имевшиеся у них вещи продукты: консервы, крупу, макароны и т.п.

Наступил новый, 1932 год. Морозы спали, бабушка повела Диму на новогоднюю елку, проводившуюся для дошкольников. На него надели несколько наиболее теплых рубаш, в дополнение к имевшемуся легкому пиджаку его обмотали материнной шалью, и в таком наряде они с бабушкой направились в клуб. Он располагался посредине большого поселка, только что построенного на высоком берегу Кельбеса. В клубе в центре большой комнаты стояла елка, с красной звездой на ее вершине, наряженная флажками, бумажными цепями и самодельными игрушками. Некоторые дети, приведенные на елку (а не только Дима), были бедно одеты, но многие мальчики и девочки были одеты в красивые шубки, обуты в валенки.

Дима скромно сидел в сторонке на стуле и смотрел, как вокруг елки водят хоровод, а затем бабушка взяла его за руку и поставила в ряд вместе с другими детьми ходить вокруг елки. Девочка по памяти прочитала какое-то стихотворение. По окончании мероприятия Дима получил подарок – кулечек, в котором находились пряник, печенюшки и несколько конфеток без бумажек. Поход на новогодний праздник несколько скрасил их жизнь, бабушка радовалась ему не меньше, чем Дима.

Вскоре после Нового года Дима получил подарок, который сразу, по достоинству, оценить не мог: отец где-то купил и подарил ему букварь. Отныне каждое утро, как только бабушка заканчивала дела по хозяйству, они с Димой садились рассматривать букварь, в нем было множество красивых картинок. Бабушка не умела читать, но знала буквы. Она стала называть Диме буквы, а он тут же запоминал их. Быстро они догадались, что если подряд читать несколько букв, получаются слоги или короткие слова, а складывая несколько слогов, можно прочитать и длинное слово.

Дело пошло успешно, к весне Дима и бабушка научились довольно хорошо читать, читали и перечитывали букварь. Других книг в доме не было. Мария и Павел учились в школе, но там учебников

было очень мало, ученикам на руки их не давали, они приносили с собой домой только тетради по русскому языку и арифметике.

Наступила весна, река вскрылась от льда. Мужчины с лесоповала вернулись в поселок, их направили на лесосплав. Отец с другими мужчинами сплавляли лес по реке в плотах и молём, баграми растаскивали бревна, когда на реке возникали заторы. Алексея с другими подростками направили на месяц на станцию Яя работать на лесозаводе, где они на лошадях подтаскивали от реки к конвейеру захваченные особыми крюками сплавленные бревна. Жили они в общежитии в зоне, огороженной колючей проволокой. На работу и с работы их водили строем.

Питались они в столовой. За работу выдавали талончики трех сортов: красные, желтые и зеленые. На красный талончик еды выдавалось больше, на желтый – поменьше, на зеленый – давали только суп и чай. Местные ребята, работавшие вместе с ними, всячески их оскорбляли, обзывали, отбирали у них талоны в столовую, оставляя их голодными.

Сговорившись, однажды, когда местные напали на них, они дали им дружный отпор. Местные ребята разбежались, а одного, не успевшего убежать, они, подхватив за руки, увели с собой в зону за колючую проволоку. Он оказался сыном какого-то местного начальника. Дома его потеряли, началась паника, пронесся слух, что его убили ссыльные. Пока разобрались, прошло два-три дня, всё это время «пленный» сидел в зоне. После этого случая местные уже больше на них не нападали и не обижали их.

Наступило лето. Стало тепло, можно было днем проводить время вне дома. Отец принес с работы и подарил младшим сыновьям обломок поперечной пилы с одной ручкой, держась за которую можно было что-нибудь пилить. Теперь в любое время, когда они не были заняты чем-нибудь по дому, Павел и Дима брали пилу, и шли спиливать небольшие тонкие сосенки, густым лесом подступавшие к их окраинному дому.

В лесу у них появились замечательные друзья – бурундуки, небольшие юркие зверьки с серо-коричневой полосатой шкуркой и пушистыми хвостами. Убедившись, что малолетние лесорубы их не трогают и не пугают, они стали смело прибегать к ним. Как только Павел и Дима появлялись в молодом сосняке, бурундуки собирались возле них, своими красивыми черными глазками наблюдали за их работой, прыгали с ветки на ветку, играя, гонялись друг за другом.

Отец, увидев братьев за спиливанием молодых сосенок, одобрил их работу:

– На всех собраниях нам говорят, что надо осваивать тайгу, расчищать ее от леса. Темные леса – это дикость, варварство, они должны уступить место цивилизации. Продолжайте начатое дело.

Таким образом, Павел и Дима тоже стали вносить свой вклад в освоение Сибири. Воспользовавшись уходом отца, матери и всех взрослых на какое-то важное собрание, на котором должны были подвести итоги зимнего лесозаготовительного сезона и сплава леса, Павел и Дима снова пошли заниматься спиливанием сосенок.

Но на этот раз почему-то (память не сохранила, кто из братьев предложил гениальный проект) они стали пилить сосенки не в лесу, а росшие у тропинки, спускавшейся по крутому берегу вниз к реке. За эти сосенки, вместо перил, держались женщины, ходившие к реке за водой.

Выполнив свою работу, уставшие и довольные собой, молодые лесорубы – семилетний Павел и пятилетний Дима, – удалились в дом, когда услышали отчаянные крики и отборную ругань женщин-соседей в адрес неизвестных негодяев и вредителей, спиливших сосенки, помогавшие им ходить за водой. Братья замерли от страха: они поняли свою ошибку, невозможность воскресить спиленные сосенки, неизбежность сурового наказания за необдуманно совершенное ими гнусное дело. Было ясно, что этих негодяев и вредителей быстро найдут и жестоко накажут.

(Продолжение следует).

История Урала богата именами талантливых ученых, инженеров, художников, литераторов, делами которых с полным основанием могут гордиться не только их земляки, но и соотечественники из других регионов.

Значительно меньше известно специалистам и широкому кругу читателей о деятелях музыкальной культуры Урала прошлых веков. Сведения о них разбросаны по архивным фондам, периодическим изданиям, научным статьям и в справочной литературе представлены весьма ограниченно.

В настоящий словарь вошли данные, которые позволяют в лицах представить процесс развития музыкальной культуры Урала в значительных временных рамках (с начала XVIII века до 1919 года) и территориальных границах, охватывающих все дореволюционные губернии края – Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую.

Стремление автора полнее представить разные сферы деятельности, сопряженные с музыкой, обусловило включение в содержание словаря материалов о композиторах, исполнителях, антрепренерах, дирижерах и режиссерах оперных театров, педагогах, критиках, собирателях музыкального фольклора, мастерах музыкальных инструментов, меценатах. Среди них – не только музыканты-профессионалы, но и любители (предприниматели, юристы, учителя и др.), плодотворно сочетавшие свою основную деятельность с участием в работе музыкальных или музыкально-драматических объединений местной интеллигенции.

Судьбы этих людей были по-разному связаны с Уралом.

С.Беляев.